

У КАЖДОГО ИЗ НИХ ЕСТЬ ТАЙНЫ,
КОТОРЫЕ ХРАНИТ ЗАТЕРЯННЫЙ СРЕДИ ЛЕСОВ
ТУМАННЫЙ ГОРОДОК ЭТТОН-КРИК.

ВИКИ ФИЛДС

ДОМ ПУСТЫХ СНОВИДЕНИЙ

ИСКУПЛЕНИЕ ТЬМОЙ

Искупление Тьмой

Вики Филдс

Дом пустых сновидений

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Филдс В.

Дом пустых сновидений / В. Филдс — «Издательство АСТ»,
2021 — (Искушение Тьмой)

ISBN 978-5-17-138896-6

Эттон-Крик потрясен жестокими убийствами, и люди обвиняют в случившемся прибывшую недавно в город Каю Айрленд. На этот раз Неизвестный, как прозвали маньяка, наметил сразу три цели, и Аспен Сивер, которого посещают видения о грядущих жертвах, уже не в силах различить реальность и вымысел. Крохотный городок, затерянный среди лесов, постепенно превращается в территорию кошмаров. Как спасти человека, который люто ненавидит тебя? Что, если секреты должны оставаться нераскрытыми и столь желанная правда окажется хуже лжи? И вдруг для победы над Злом придется принести в жертву самое ценное – жизнь?

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-138896-6

© Филдс В., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Глава I	6
Глава II	10
Глава III	21
Глава IV	38
Глава V	44
Глава VI	51
Глава VII	61
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Вики Филдс

Дом пустых сновидений

*Смерть завершает жизнь,
но не отношения*

М. Элбом

© Филдс В., 2021

© ООО «Издательство «АСТ», 2021

Глава I

Амбар на кукурузном поле

Аспен Сивер огляделся, цепляясь взглядом за рыжие листья кукурузы и вялые стебли, кривой стеной вросшие в темноту; за полотно земли; за вечернее небо, затянутое облаками. Тяжело задышал, начиная паниковать. Облизав сухие губы, обернулся вокруг своей оси, неуклюже переступил с ноги на ногу и едва не упал на землю.

Нет! – зажмурившись, он яростно тряхнул головой, рванул волосы в разные стороны, постучал кулаками по вискам. – *Только не снова!*

Но он вновь стоял на проклятом кукурузном поле, на дорожке, ведущей к амбару. Продуваемый со всех сторон ветрами, Аспен чувствовал, как кожа покрывается мурашками. Глянув на себя, он увидел, что стоит в одних пижамных шортах и майке, а на ногах носки. *Ну, отлично.*

Аспен знал, что ему следует сделать, поэтому, обхватив себя тесно за плечи, чтобы сохранить тепло, бросился бежать к амбару, где маньяк спрятал Каю Айрленд. Аспен больше не боялся, что кто-то его обнаружит – это *невозможно*. Сон это или видение – не важно, ведь главное, что есть шанс вычислить убийцу. Нужно только затаиться там, на чердаке, где Айрленд, как туша освежеванного зверя, прикручена веревками к потолочной балке.

В этот раз Айрленд вновь дожидалась его – подвешенная на ржавом крюке к потолку, шумно дышала, опустив голову на грудь; рубашка потемнела от крови, штаны, заправленные в ботинки, превратились в кровавую корку. *Этого еще не случилось*, – напомнил себе Аспен, – *у меня есть шанс все изменить, спасти ее.*

Но, приближаясь к Кае Айрленд и наклоняясь к ее бледному, израненному лицу, чтобы убедиться, что она по-прежнему дышит, он не был так уверен. Ведь он не смог спасти ни Майю, ни Сьюзен. Теперь вот настала очередь Каи Айрленд.

– Я не позволю этому случиться, – пообещал он дрожащим голосом. – Я предотвращу это.

Здесь и сейчас не было смысла пытаться вызволить ее. Они с Айрленд будто существовали в разных вселенных. Он сотней разных способов пробовал развязать узлы на ее кровотокающих запястьях, кричал и звал на помощь, пытался сбить с ног ее похитителя, но тщетно – в этом мире он лишь наблюдатель.

Аспен решил затаиться и узнать, что маньяку от нее нужно, возможно, подслушав их беседу, он поймет, когда это случится, найдет какой-то знак. Ведь это не простые сны, это – видения.

Вот на деревянной лестнице послышались шаги, и затем, как и в прошлый раз, на второй этаж амбара взобрался знакомый мужчина. На вид ему было лет сорок, может, чуть больше. Аспен никак не мог рассмотреть его лицо, поэтому хорошо запомнил голос. Голос у похитителя Каи Айрленд был что надо: приятный на слух, бархатистый, с четкой дикцией. Он говорил так, будто ласкал каждым словом ее искалеченное тело.

– Я нашел ее, я нашел ее, Кая... – Но она не реагировала. Аспен вздрогнул и прикусил нижнюю губу, чтобы не сорваться на бессмысленный крик, когда похититель схватил Айрленд за подбородок и резко вскинул голову. – Хочу, чтобы ты знала: я искал и наконец-то нашел твою мать.

Аспен, в это время вытянувшийся в струнку слева от маньяка, застыл от шока, его будто молнией поразило в самую макушку. Он ощутил между лопаток жар возбуждения, лихорадочно стал вспоминать все те подробности, которые Айрленд рассказывала ему о матери, мысленно воспроизвел некролог в газете...

Все это не может быть правдой.

Айрленд тоже так решила; с трудом разлепив сухие губы, она сказала:

– Заткнись.

Аспен не мог поверить в услышанное. Как... что все это значит? Ее мать жива? Или это... как это возможно? Аспен снова зарылся пальцами в волосы, будто от этого его мысли могли выстроиться в стройный рядок.

Следующие слова маньяка заставили его вынырнуть из размышлений:

– Я просто хочу, чтобы ты слышала каждое мое слово. – Он провел ладонью по ее щеке, и Айрленд шарахнулась в сторону. – Я хочу, чтобы ты знала, насколько тщедушной и никчемной была твоя мать.

– Заткнись, – четко повторила Айрленд, глядя маньяку глаза в глаза. То ли от ярости, то ли от отсутствия страха, но ее голос был холодным и жестким. – Я сказала тебе заткнуться.

– Ты все еще пытаешься сохранить иллюзию счастливой семьи? – Вопрос, слетевший с губ похитителя, был задан таким обескураженным голосом, что Аспен не поверил своим ушам: будто за мгновение этот страшный человек превратился в крошечного ребенка.

В следующую секунду Аспен испугался еще сильнее, когда услышал, как из горла Айрленд вырываются странные булькающие звуки – она изможденно засмеялась, и этот смех отнял у нее столько сил, что она безвольно вытянулась на связанных руках.

– Иллюзия счастливой семьи? – переспросила она, постанывая от смеха. – Да... теперь я четко вижу отличие между мозгом нормального человека и убийцы...

– Хватит провоцировать его! – крикнул Аспен, позабыв о том, что никак не может повлиять на происходящее... а в следующий миг его грубо выдернули за плечи в реальность.

– Что... что?.. – Он замолчал, уставившись на Дориана, нависающего над его кроватью.

– Опять видения? – спросил он бесстрастно. Аспен с шумом выдохнул и упал на подушки. Накрыв лицо ладонями, он еще около минуты лежал в этой позе, чувствуя себя выжатым, будто всю ночь проработал на автосервисе, таская колеса.

– Да... – наконец пробормотал он хрипло и тут же исправился: – Нет. Не знаю.

«Я искал и наконец-то нашел твою мать» – когда убийца сказал эти слова, Айрленд не стала возражать, не сказала, что мать погибла в пожаре в сентябре.

Аспен с трудом сел, и Дориан шагнул назад. Он по-прежнему был в костюме-тройке; темные волосы идеально уложены, на лице – раздражающая смиренность. Аспен знал, что Дориан очень хочет как-то помочь, облегчить тяжесть невероятного дара, но даже подходящих слов подобрать не мог.

Вздыхнув, Аспен слез с кровати и еще несколько секунд стоял неподвижно, дожидаясь, когда сердце успокоится.

– Все нормально? – спросил Дориан. – Что именно ты видел?

Аспен покачал головой. Он не знал, как можно сказать Дориану о том, что видел его племянницу связанной в каком-то ветхом амбаре. Он даже не был уверен, сон это или видение... Если видение – тогда как похититель мог говорить о матери Айрленд как о живой, а если сон...

– Ты давно здесь? – наконец спросил Аспен, решив выведать, что именно Дориан мог слышать.

– Зашел оставить тебе еду и услышал, как ты бормочешь.

– Ясно... и что ты слышал?

Дориан помолчал некоторое время, изучая бледное, вялое лицо друга, по глазам пытаясь понять, к чему такой странный вопрос, и наконец ответил:

– Ты говорил невнятно.

– Ясно, – повторил Аспен.

– Точно все нормально?

– Прекрасно, лучше не бывает.

Аспен зашагал на кухню. Добравшись до раковины, он наполнил стакан и залпом выпил его. Вода потекла по подбородку, но Аспен не обратил на это внимания, блаженно вскинув

голову к потолку. Потом медленно поставил стакан на место и коснулся своего горла. Кусочки пазла не сразу встали на свои места, но теперь Аспен вспомнил: ему было холодно во сне, очень холодно, а теперь у него болит горло от бешеных криков в том амбаре. Разве после снов такое может быть?

Аспен сосредоточился, припоминая, случалось ли подобное раньше, но на ум ничего не пришло.

– Не хочешь рассказать, что ты видел? – вежливо и без особой надежды спросил Дориан.

– Нет, может быть, в другой раз.

– Ты решил, что делать со Скалларк?

Аспен некоторое время молчал. Он был рад, что Дориан не стал говорить о полезности полноценного сна и рациона питания, как делал это раньше, но лучше обойтись в разговоре и без Скалларк.

– Я рассказал обо всем Кае.

– Вот как? – осведомился Дориан. По голосу нельзя было определить, обрадовался он или расстроился. Скорее всего, расстроился, ведь Кая его племянница. – Ты сказал ей о том, что убийца – женщина? Ты ее больше не подозреваешь?

«Дориан ненавидит меня», – подумал Аспен, а вслух ответил:

– Нет.

– Что – нет?

– Нет – ответ на все твои вопросы. Я не уверен...

– Ладно... так... а это что? – За спиной Аспена раздался характерный металлический звон – Дориан приподнял крышку кастрюли и заглянул внутрь.

– Ты что, нанял горничную?

– Это сестра.

Дориан вернул крышку на место, затем посмотрел на Аспена и деловито осведомился:

– Что ж, я могу рассчитывать на то, что ты не покалечишь себя, если я поеду домой и немного отдохну? Хочу представить, что в моем мире нет мисс Ищейки. Понятия не имею, что я делаю не так, но она меня ненавидит. – Еще секунда тишины, потом совсем мрачное: – Она даже не хотела останавливаться со мной в отеле. Сказала: «Ни за что не остановлюсь с этим человеком в одном отеле, тем более на одном этаже».

– Ага, удачи тебе с этим, – улыбнулся Аспен. Он не раз уже слышал истории о некоей истеричной дамочке, которая вела себя, мягко говоря, неадекватно.

Дориан в ответ кивнул и направился в коридор, на ходу застегивая пальто.

– погоди! Окажи услугу!

– Нет уж, – отрезал Дориан, засовывая ноги в туфли и закидывая на плечо портфель. – Знаю я твои «услуги». И у меня выходные.

– Вот и сделай окно в своем графике, – посоветовал Аспен, мгновенно рассердившись.

Дориан хмуро обернулся:

– Ну и что ты хочешь?

Гнев Аспена тут же поутих, и он замялся. Дориан выжидающе изогнул брови.

– Я хочу, чтобы ты проследил за Скалларк. Надо выяснить, кто ее преследует.

Дориан рассмеялся.

– Ты что, спятил? – Когда Аспен даже не улыбнулся в ответ, Дориан посерьезнел. – Ты не шутишь? И как ты себе это представляешь – профессор следит за своей студенткой?

– Ты как моя мать, – сварливо оборвал Аспен, – вы как из прошлого века. Да никто на тебя даже внимания не обратит. Позови Скалларк для дополнительных занятий или еще зачем-то. Кроме того, если бы твоя мисс Ищейка предположила, что...

– Так, все, – торопливо прервал Дориан. Аспен замолчал, разволновавшись, но зря. – Ладно, я согласен. Я все сделаю. Но почему ты просишь меня? Ты же сам хотел...

– У меня вдруг появилось еще одно важное дело, – уклончиво сказал Аспен и поспешно подошел к входной двери. Распахнув ее, он дождался, пока Дориан, смеривший его подозрительным взглядом, уйдет, и затем, закрывшись на замок, бросился в душ смывать пот и грязь.

Аспен очнулся, когда услышал смех. За какую-то долю секунды он оказался в вертикальном положении, будто кто-то мощный схватил его за плечи и вздернул на ноги. Время прошло его насквозь,шибануло по вискам. Он был дезориентирован и не сразу понял, где находится, но осознание не заставило себя ждать.

– Ну что?!

Аспен сфокусировал взгляд и увидел, как похититель рванул у Каи Айрленд рубашку в разные стороны. Пуговицы разлетелись, и Аспен содрогнулся, услышав их звон о дощатый пол.

– Так тебе больше нравится?! – У горла Айрленд очутился нож, и Аспен сжал кулаки. Еще никогда он не чувствовал себя более никчемным и беспомощным, чем сейчас. – А это что?.. Татуировка? У тебя есть татуировка?!

Аспен закрыл глаза и услышал, как Айрленд отчетливо приказала:

– Убери свои проклятые руки от меня.

Аспен не в силах был смотреть, как ее тело покрывается новыми кровоточащими порезами – он лишь слушал.

Я хочу проснуться, – подумал он. – *Пожалуйста. Я просто хочу проснуться. Не могу, не могу это выносить!*

Аспен опустил на колени на пол, сжал голову в ладонях, прижал локти к ушам.

Проснись, – приказывал он себе, – *проснись, проснись, проснись.*

Его ресницы увлажнились от слез, во рту выступила кровь – так крепко он прикусил нижнюю губу. А в следующую секунду из видения его вырвал грохот: мимо по трассе проехала фура.

Протерев глаза, Аспен огляделся и похолодел – казалось, он все еще находится в своем самом страшном ночном кошмаре. По обеим сторонам дороги на несколько километров вперед раскинулось кукурузное поле. Точь-в-точь такое же, где в старом амбаре держали на привязи Айрленд.

Аспен похлопал себя по щекам, затем посмотрел на дорожную карту. К вечеру он уже будет у Айрленд. Подстегнутый желанием увидеть ее и убедиться, что с ней все в порядке, Аспен завел двигатель и медленно выехал на дорогу.

Позвонила Альма, но Аспен сбросил вызов, не желая отвлекаться. Ему было жутко не по себе, возникло дурное предчувствие, что появлением в этом месте он запустил какую-то цепочку зловещих событий. Аспену показалось, что, если бы он не приехал сюда и не увидел это поле, будущее оставалось бы по-прежнему неясным.

Ощущение усилилось в тот миг, когда Аспен заметил среди покачивающихся на слабом ветру стеблей кукурузы злосчастный сарай, где держат Айрленд.

Нет, нет, нет, конечно же, не держат.

Еще нет, потому что этого еще не случилось.

Глава II

Кая Айрленд все еще не сдается

Миссис Нэтвик встретила меня на платформе в пять вечера, и я тут же угодила в привычные семейные объятия. Ее волосы, влажные от туманной дымки, пахли домашним печеньем с имбирем. Вдохнув этот запах, я сразу же ощутила, как пересохло в горле, и на глаза навернулись слезы. *От мамы тоже всегда пахло по-домашнему, когда я возвращалась домой.*

– Так, ну и что здесь у нас? – Миссис Нэтвик схватила меня за плечи и пристально осмотрела с головы до ног. – Худющая!

Что правда, то правда.

– Поехали скорее домой, буду кормить тебя, – скомандовала миссис Нэтвик и, развернувшись, потопала к лестнице, которая вела из здания вокзала в город. Мне показалось, что миссис Нэтвик, хотя она была улыбочива и приветлива, испытывала в моем обществе легкое беспокойство. *Она боится, что я задам вопрос.*

Мы улыбнулись друг другу, усаживаясь в салон ее старенького автомобиля, и я снова почувствовала, что что-то не так. Но, несмотря на это ощущение, которое, возможно, было надуманным, я была рада видеть миссис Нэтвик; видеть, что она в порядке, хоть и сильно постарела и напоминает скорее выжатый лимон, чем ту пышную, цветущую женщину, которую я оставила, казалось бы, только вчера.

Как же от нее пахло домом!.. Горячими пирожками с яблочной начинкой, мягкими и сладкими, домашним вареньем, разогретым супом; от нее пахло имбирем, ванилью и корицей – и я тут же вспомнила о Ное. Заметив, что миссис Нэтвик кидает в мою сторону взгляды, я, как бы между прочим, поудобнее устроила на коленях сумку, пряча раненое запястье, но это движение не укрылось от зоркого взгляда.

Миссис Нэтвик недовольно свела брови, и я коротко пояснила:

– Да просто поранила на тренировке, пустяк. – И в доказательство своих слов я подняла руку и покрутила ею в воздухе. Миссис Нэтвик это не убедило, наверняка она вспомнила меня после смерти Джорджи, когда я с ног до головы была закутана в ленты бинтов. – Скоро все заживет...

Я отвернулась к окну. И вдруг мимо, будто в замедленной съемке, проплыла Кира Джеймис-Ллойд – машина миссис Нэтвик ехала очень медленно, так что я обернулась, чтобы убедиться, что не сошла с ума. Вот она – стоит не шелохнувшись. Не фигура Киры в моем городе поразила меня, не ощущение, будто она нарушила еще одну границу моего личного пространства, а лицо – полное грусти и какой-то тупой покорности. Она растерянно озиралась, будто ждала, что кто-то ее встретит, и в это самое мгновение, когда я увидела ее лицо, наполовину скрытое за копной густых темных волос, которые беспорядочно трепал ветер из стороны в сторону, мне стало ее жаль. Но тут миссис Нэтвик проворчала что-то о тренировках, и я вернулась в салон машины.

– Ты должна быть осторожнее. Да, ты осторожна, знаю-знаю, но должна быть *еще* осторожнее! – горячо воскликнула она.

Я кивнула, рассеянно подумав о том, что проблема с запястьем и вправду могла быть связана с тренировкой, будь у меня время записаться в спортзал. Отец убил бы меня за пропуск. Да я бы и сама себя... Вот только сейчас это все не казалось таким уж важным.

– Я просто рада вас видеть, – сказала я невпопад, подумав о том, что теперь, кроме миссис Нэтвик у меня и нет никого; возможно, поэтому она так усердствует, изображая мою маму.

– Вот именно! – воскликнула она. – Не нужно из кожи вон лезть на этих своих тренировках, ты же все-таки врач, а не каскадер!

Но спустя несколько минут ее ворчание сошло на нет, и я откинулась на спинку сиденья и прикрыла глаза. Секунда, когда миссис Нэтвик крепко сжала меня в объятиях, будто разделила мою жизнь на части. Я и не подозревала о том, как сильно устала от мрачных, странных людей, проживающих в Эттон-Крик. Разговор, нет, даже не разговор, а простая болтовня в машине и поездка с миссис Нэтвик оказались целебными, как глоток свежего воздуха. Тут же всплыло лицо мамы – будто ждало своего часа.

Ну нет, об этом я думать решительно не хочу. Снова я поежилась на сиденье, уставилась в окно.

Я так скучаю. Скучаю безумно. Жалею, что не оплакала ее. Но не могу. Если начну об этом думать или, что еще хуже, *говорить*, все станет взаправду, мама действительно окажется там, под землей, на кладбище. Пока я молчу, можно притвориться, будто она где-то здесь, рядом, может, скажет что-нибудь; попросит приготовить ей завтрак, потому что жутко опаздывает на встречу с важными клиентами... Мы бы, может быть, и не увиделись с ней месяц или два, а может быть, даже десять лет, но я бы знала, что с ней все в порядке... Но ее просто нет...

Миссис Нэтвик легонько коснулась моего плеча, и я, вздрогнув, очнулась.

– О, дорогая, – миссис Нэтвик, судя по выражению лица, испугалась моего резкого движения. Смутьившись, она похлопала меня по локтю. – Все будет хорошо, ты выздоровеешь... – На одно мгновение мне показалось, что она знает, о чем я думала, знает, что я солгала, знает обо всем; но вдруг она заговорщицки улыбнулась: – Идем в дом, я приготовила твой любимый суп и мясную запеканку с грибами.

Мой желудок отозвался на предложение миссис Нэтвик нетерпеливым ворчанием, а перед глазами на этот раз всплыла фигура Ноя Харрингтона: он поиграл бровями и помахал мне кончиками пальцев в своей дурацкой заигрывающей манере. Отогнав видение, я взглянула на миссис Нэтвик. Мы как раз подъезжали к нужному дому, и я заметила, как бедная женщина нервно вцепилась в руль, будто в спасательный круг.

– А где мистер Нэтвик? – спросила я.

Миссис Нэтвик редко садилась за руль и всегда выглядела при этом так комично, будто вновь сдавала экзамен на вождение. Она пожала плечами, не отвлекаясь от дороги:

– Он в последнее время задерживается допоздна. Все время работает, да. Там возникли какие-то проблемы в городском архиве... в общем, ты же знаешь, он не любит распространяться дома о работе. Кстати, а Селена тебе не звонила?

– Нет.

– Не рассказывала тебе о новом парне?

– О каком парне? – удивилась я. Миссис Нэтвик радостно улыбнулась, что мне почему-то совсем не понравилось. Я уточнила: – Мы несколько раз говорили по телефону, но ни о каком таком парне она ни разу не обмолвилась.

Миссис Нэтвик рассмеялась, продолжая следить за дорогой.

– Наверное, она не хотела тебя волновать.

Я еще сильнее озадачилась:

– Волновать? Почему?

– Она думает, что ты не одобришь ее выбор. Ее парень – байкер.

Я прямо чувствовала, как моя левая бровь ползет вверх, и уже хотела заявить, что не страдаю предубеждением, но замолчала. Надеюсь, Селена смотрит на вещи рационально и этот новый парень не ее очередной вызов самой себе. Прочистив горло, я ровным голосом произнесла:

– Главное, что он ей нравится.

– Да-да, – кивнула миссис Нэтвик, не услышав в моем голосе сомнения. – Она обрадуется, когда узнает, что ты «за». Ты ведь знаешь, она всегда прислушивается к твоему мнению.

Я кивнула, снова почувствовав это неприятное стеснение между ребрами – мне вовсе не хотелось, чтобы Селена прислушивалась к моему мнению, тем более в таких делах. И тут я вновь почему-то вспомнила о Ное, его образ до сих пор оставался в воображении: с надменной улыбочкой, склоненной к плечу головой. «Прочь уйди», – попросила я его мысленно, когда миссис Нэтвик въехала на подъездную дорожку и заглушила мотор. Но даже в воображении Ной Харрингтон был таким же упрямым, как в реальности.

Я вспомнила тот дождливый день, когда отыскала диктофон в Тайной квартире и вернулась домой, думая только о том, как теперь поступить и что делать. Поставив машину в гараж и отметив, что автомобиля Дориана нет, я с облегчением бросилась под навес по лужайке, размякшей от дождевой воды.

Над головой угрожающе сверкали молнии, грохотал гром. Снова стал накрапывать дождик, и несколько особо тяжелых капель упали мне за шиворот и ледяной дорожкой сбегали по позвоночнику.

Я прыгнула на порог, отперла дверь и нырнула в темноту и тишину.

Свет не горел ни на кухне, ни в гостиной, ни в библиотеке.

Я несколько раз щелкнула выключателем, но ничего не произошло, и тогда в моей груди все сжалось от страха. В ушах раздались голоса Дэйзи Келли, Стивена Роджерса, Джорджи и Оливы Дюваль – и все вперемежку.

Тяжело сглатывая, я нырнула рукой в карман сумки и достала пистолет.

Очередная вспышка молнии осветила деревянную лестницу и тени в холле.

Я вскинула пистолет и, придерживая левую руку правой, направила дуло на часы с кукушкой. Тяжело сглотнула. Тени не двигались.

– Ной?

В ответ – тишина. По ногам пополз холодок. Я вспомнила маму. Она тоже боялась, что Криттонский Потрошитель найдет ее? Не потому ли она хотела спрятать меня, что знала: это время придет?

И оно пришло – он нашел меня.

– Ной, ты здесь?

Может, он хочет напугать меня? Нет, это глупости, Ной не поступил бы так, он не настолько плох.

Двигаясь мелкими шажками, я направилась в сторону лестницы.

– Ной?..

Медленно обойдя ее, я отперла дверь на кухню, которая никогда не запиралась, и с колотящимся сердцем шагнула внутрь.

Это еще что?

Вся кухонная стойка была уставлена свечами разного размера. Кто-то проводил сатанинский ритуал? Вызывал духов?

Пальцы сильнее сжали пистолет, я нахмурилась: может, это Дориан приготовил для Альмы романтический ужин?

– Эй!

Я резко обернулась, направила в грудь Ною пистолет, но тут же опустила руки и выпалила:

– Ты что делаешь?

Он с недоумением уставился на меня:

– Пытаешься убить меня после всего, что я для тебя сделал?

– Я бы не стала стрелять в тебя! – ответила я все еще на взводе. Даже осознав, что Ноя никто не похитил, не пристрелил и не расчленил, я продолжала нервничать. Спрятав пистолет, я спросила: – Где Дориан?

– В морге, конечно. И зачем он тебе?

– Я решила, что Дориан приготовил для Альмы романтический ужин... – Но еще до того, как договорила, Ной как-то по-особенному ехидно улыбнулся, и я поняла, что ошиблась.

– Что, нет?..

– Нет, это я приготовил для тебя.

– Ты приглашаешь меня на ужин? – сильнее поразила я, забыв о том, что была голодна. Ной закатил глаза, подошел ко мне вплотную, положил руки на плечи, затем развернул к кухонной стойке и прошептал на ухо:

– Какой сегодня день?

От его дыхания по моей шее побежали мурашки, и я поежилась.

– Не знаю. Четверг.

– Правильно. А число?

Я подумала.

– Двадцать девятое сентября?

– Господи! – Ной с досадой отпустил меня и, подойдя к кухонной стойке, рукой обвел пространство мерцающих свечей. – Нельзя быть настолько забывчивой и глупой, Кая. Сегодня же твой день рождения.

В моей груди все замерло.

Точно. Двадцать девятое сентября. День, когда я родилась.

Ной прищурился:

– Ты забыла, верно?

Я воскликнула:

– Конечно нет! Кто вообще забывает о своем дне рождения? Никто, и тем более – я! – И, вздохнув, добавила чуть тише: – Я люблю дни рождения.

– Лгунишка, – отрезал Ной и подошел к холодильнику. – Но, впрочем, мне все равно, потому что их люблю я. И вообще все на свете праздники. Я целый день готовил все это для тебя!

– Ты поэтому мне названивал сегодня? – уточнила я, наблюдая, как Ной в сумраке роется в холодильнике.

По телу распространилось тепло благодарности, и я подумала, как лучше ее выразить, чтобы звучать искренне.

– А то! Не хотел, чтобы ты что-то заподозрила или заявила раньше времени. Но я не думал, что ты приедешь так поздно... – Он обернулся, и я уставилась на пирог, который Ной держал на расстоянии вытянутой руки. – Эй, только это мой собственный рецепт, предупреждаю: такого ты еще не пробовала! Я решил немножко поэкспериментировать и добавил кое-что свое, так что...

Ной улыбался, и его улыбка была заразительной, но я внезапно почувствовала, что мышцы лица одеревенели, а губы не двигаются. И хуже того – я почувствовала, как перехватывает дыхание, как начинают характерно болеть глаза, словно кто-то изнутри колет их иголками.

– Кая... – пробормотал Ной смутившись. Улыбка на его губах дрогнула, он погрузился, поставил блюдо на стол и придвинулся ко мне.

– Прости, – сказала я, пытаясь объяснить Ную, что все это было очень важным для меня, что после смерти Джорджи мы никогда не праздновали дни рождения и что я... с тех пор просто ненавижу его.

Ной все понял без слов, он притянул меня к себе и притворился, что я не веду себя словно размазня, что не хватаюсь за его футболку в попытке перебороть приступ слез.

– Рождественский пирог... – выдохнула я, ткнувшись макушкой ему в грудь и глядя на м под ноги. Перед глазами были ноги Ноя в черных штанах. И домашние тапки-собаки. Он похлопал меня по голове, пытаясь приободрить.

– Знаю. Джорджи родилась как раз на Рождество.

– Ага... – судорожно вздохнула я. Ной погладил меня по плечам, но не отталкивал от себя. Я пробормотала: – Я действительно не люблю этот день.

– Знаю. – В его голосе не было ни капли жалости, и я ощутила облегчение: если бы он начал сочувствовать, я бы, наверное, заплакала. Тяжело вздохнув, отчего его грудь поднялась и опустилась под моей щекой, Ной отодвинул меня на расстояние вытянутой руки и сказал: – Давай пить чай. Знаешь, глядя на твой голодный вид, я и сам невольно испытываю голод. А ведь я полчаса назад съел целую тарелку суфле и выпил две кружки горячего шоколада!

– А почему ты не приехала со своим парнем? – внезапно вырвала меня из размышлений миссис Нэтвик, и я сказала, закидывая сумку на плечо:

– У меня нет парня. – Я уже открыла дверь, но немигающий взгляд миссис Нэтвик задержал меня. – Что?

– Как это – у тебя нет парня? – спросила она, так высоко поняв брови, что, если бы не ее тон голоса, полный сомнения, я бы решила, что она возмущена. – Ты же приезжала с ним в прошлый раз!

– С кем? – не поняла я.

– С Дорианом.

Я уставилась на миссис Нэтвик, боясь моргнуть. Щеки заалели, я почувствовала, что даже шея покрылась пятнами, а между лопатками выступил пот.

– Я думала, Дориан твой парень. Так-так. Закрой-ка дверь, милая, – сказала она милейшим тоном, и я, подчинившись, повернулась к миссис Нэтвик. Настроена она была решительно.

– Ты мне ничего не хочешь рассказать?

Как раз наоборот, подумала я, что-то мне совершенно ничего не хочется рассказывать. Миссис Нэтвик буравила меня взглядом, пока я стремительно соображала, что сказать. А в голове всплыла наша прошлая встреча. А ведь действительно: миссис Нэтвик ни о чем не спрашивала. Она разместила нас с Дорианом на втором этаже без всяких вопросов, а я, искренне веря в то, что он мамин сводный брат, ничего не стала уточнять. Но если мама не отсылала меня в Эттон-Крик, в чем Ной фактически признался, значит, ни мама, ни тем более миссис Нэтвик не знали о существовании этой странной семейки Харрингтонов.

– Да, – наконец сказала я и похвалила себя за бесстрастный тон голоса. – Но Дориан и я... мы несовместимы. То есть мы с ним расстались. Мы решили, что так будет лучше. И я бы предпочла больше о нем не вспоминать, – многозначительно добавила я, зная, что уж эта фраза должна расставить все точки над «i».

– Жаль. – Миссис Нэтвик понимающе кивнула и первой покинула салон автомобиля. Я с облегчением последовала за ней. Неприятный осадок оттого, что Харрингтоны все это время обманывали меня, вновь обжег желудок, но я проигнорировала это чувство. Миссис Нэтвик между тем продолжала расписывать все достоинства Дориана, несмотря на то что я дважды попросила ее прекратить.

– И главное, – подвела она итог заговорщицким тоном, оборачиваясь ко мне в прихожей и стягивая куртку, – что он красавчик.

Оспорить внешнюю привлекательность Дориана Харрингтона было сложно, да я и не стала. Чем меньше мы будем говорить о нем, тем быстрее миссис Нэтвик забудет эту неприятную ситуацию. Чтобы утихомирить ее разыгравшуюся фантазию, мне пришлось признаться, что Дориан – мой профессор по медицинской биологии и патанатомии, однако миссис Нэтвик ничуть не смутилась, воскликнув: «Это так романтично!»

В эту секунду мне страстно захотелось сказать ей, что я живу с ним в одном доме, и взглянуть на реакцию, но я этого не сделала. А ведь и вправду: я живу в незнакомом городе в особняке с двумя незнакомыми мужчинами и даже не представляю, как там оказалась. С

какой стати в моей голове появился адрес особняка Харрингтонов? Как я оказалась на вокзале в Эттон-Крик, если мама не отправляла меня туда и не просила перевестись в «УЭК»?

Между тем миссис Нэтвик продолжала расспрашивать о моей новой жизни, о Первом медицинском павильоне, о студентах университета. Она охала, рассеянно слушая мой рассказ, и то и дело перебивала, чтобы вставить что-нибудь типа «ты так похудела, и эта модная куртка совсем не спасает от холода! А в Эттон-Крик, между прочим, как я слышала, всегда холоднее, чем здесь, у нас!».

Миссис Нэтвик налила мне огромную тарелку грибного супа, куда помещались, по ощущениям моего бедного желудка, аж три порции, и стояла над душой до тех пор, пока я все не съела. Я была благодарна, *правда благодарна* за заботу, но чувствовала себя обремененной. Ее взгляд тяжелыми гирями лежал на моих запястьях, и ее нежная ладонь на моем плече весила не меньше тонны. С каждой секундой во мне нарастало раздражение. Терпение миссис Нэтвик лишь напоминало о том, что отныне я одна и моей мамы, которая должна быть на месте миссис Нэтвик, нет.

И вдруг она сказала:

– Я надеялась, что со временем ты изменишься, Кая. – И от ее слов у меня на затылке волосы встали дыбом. Я с трудом сделала глоток чая и опустила кружку на стол, напрягшись так, что моя спина, должно быть, сигнализировала миссис Нэтвик обо всех моих чувствах.

– Что вы имеете в виду?

Она подошла к столу с двумя тарелками, на каждой из которых лежало по большому куску пирога, и встретила мой твердый взгляд. Миссис Нэтвик совсем не смутилась, и от этого я почему-то рассердилась еще сильнее.

– После твоего поступления в Хейденский университет мы с твоей мамой решили, что ты немного придеешь в себя.

Ясно, – подумала я мрачно. Вот куда она клонит, вот о чем они все поголовно твердят. После чая я надеялась начать с миссис Нэтвик тот самый сложный разговор, и теперь она сама подводит беседу к нужной теме.

– Понимаешь, мы с твоей мамой...

Не вмешивайте мою мать! – мысленно кричала я, но лишь плотнее сжала зубы, ощущая, как тяжело опадает моя грудь. Чай обжог язык, но я даже не поморщилась, потому что *стыд* был больнее. Она говорит и за маму тоже. Заставляет почувствовать вину за то, какой я стала. Разочаровала ее, не изменилась, осталась прежней – собой.

Больно.

Но я позволила миссис Нэтвик продолжить.

– Ты все еще относишься к людям с опаской...

Почему она говорит обо мне как о животном из зоопарка?

– Спасибо за еду, – прервала я. – Не хочу говорить ни о чем из того, что вы только что перечислили.

Я поднялась, взяла тарелку и поставила в раковину, чтобы вымыть. Миссис Нэтвик встала вслед за мной. Знаю, сейчас она извинится и скажет, что не хотела расстраивать меня, ведь она желает мне лучшего и все такое прочее, но не нужно. *Не нужно просить у меня прощения за то, какая я.*

– Прости меня, Кая, я не хотела тебя расстраивать... но я хочу, чтобы у тебя все было хорошо.

– Я знаю, – ответила я, принимаясь осторожно мыть посуду, лишь бы не поворачиваться к миссис Нэтвик лицом. – И будет. Обещаю. Но не сейчас. Еще не время.

– Кая. – Стальной тон ее голоса, *материнский тон*, заставил меня остановиться. Я откинула голову назад, вздохнула и обернулась:

– *Что?*

Я заметила, что ее глаза покраснели. Глядя на меня снизу вверх, она дрожащими руками коснулась моих плеч, сказав:

– Что заставляет тебя думать, что сейчас неподходящее время? Ты достойна счастья, не нужно ждать.

Я бросила губку в раковину и отошла от миссис Нэтвик на безопасное расстояние, чтобы ей не пришлось меня обнимать.

– Да, я достойна счастья и все такое, но сейчас есть дела важнее, миссис Нэтвик. Понимаете, что творится? Вы знаете, что было в той квартире? В маминой Тайной квартире в Эттон-Крик?

Я увидела, как плечи миссис Нэтвик обмякли, она сдалась мне.

– Да. Да, конечно же я знаю о том, что там, Кая... – пробормотала она ломким голосом, а затем шагнула к обеденному столу. Теперь она пыталась избегать моего взгляда.

– Хорошо. И что вы обо всем этом думаете?

На кухне повисло молчание, даже часы не тикали. Я все ждала и ждала, когда она заговорит, и она наконец произнесла:

– Думаю, Мэгги была увлечена убийствами.

Увлечена убийствами, повторила я про себя новую формулировку. Словно это было ее очередное безумное хобби!

Мне нужно остыть, пока я не вышла из себя, пока не распалилась. Я не знала, почему так сердита – миссис Нэтвик ничего плохого не сделала, она лишь бедная женщина, которая, как и мама, вынуждена была скрывать тайну ото всех. Мне нужно взять себя в руки.

Медленно выдохнув скопившийся в легких воздух, я произнесла:

– Я думаю, что маму убили из-за этой Тайной квартиры.

– Кая, твоя мама... – миссис Нэтвик порывисто обернулась, тесно сжимая на груди шаль, будто желая отгородиться, но я звонким голосом перебила ее очередную ложь:

– Бросьте, скажите наконец правду! Вы знали ее лучше всех, так что не можете считать, как и все остальные, что она просто взяла и умерла! Что бросила меня! Что просто сгорела в собственном доме! Это невозможно! Просто невозможно! Я думаю, где-то в глубине души вы знаете, *вы подозреваете*, что она ввязалась во что-то нехорошее, и просто боитесь признаться!

Миссис Нэтвик заплакала, и, о ужас, я вдруг поняла, что ее фигура в домашнем платье расплывается у меня перед глазами. Миссис Нэтвик спрятала лицо в ладони, и я яростно вытерла слезы свитером, пока она не заметила их.

– Да... я знала, знала, что ее убили... – Я стояла не шелохнувшись, борясь с проклятым комком слез в горле. – Я знала, что она хочет отослать тебя в Румынию, вот и удивилась, когда ты... и я потом... – Миссис Нэтвик зарыдала сильнее, отчего ее слова стали едва различимыми, но последнюю фразу я все же сумела разобрать: – Я показала тебе квартиру, чтобы ты рассказала о ней полиции.

Я больше не могла стоять на месте, поэтому медленно приблизилась и обняла ее. *Бедная миссис Нэтвик*, ее тело содрогалось от яростного плача, может быть, первого за недели нашей разлуки. Она ведь ни с кем не могла поговорить начистоту.

– Я так боялась... так боялась...

Сжав переносицу пальцами, я вскинула голову к потолку, глубоко и размеренно дыша. Затем поворачивала глазами в разные стороны и сжала веки, чтобы убедиться, что слезы высохли. Только после этого я отстранилась от миссис Нэтвик, набрала стакан ледяной воды и протянула ей. Она залпом осушила его, неуклюже поставила на стол, едва не опрокинув, и плюхнулась на стул. Пока я споласкивала стакан, а затем убирала в шкаф, на кухне стояла мертвая тишина. *Нетерпеливая тишина*.

Затем я обернулась к миссис Нэтвик и прямо спросила:

– Вы слышали о Дэйзи Келли?

По ее лицу прошла тень, а я как ни в чем не бывало продолжила:

– Войдя в ту квартиру, я, конечно же, стала просматривать мамины бумаги. И заметила кое-какую странность. Мама очень интересовалась определенным периодом убийств в Эттон-Крик. Она собрала всю информацию о жертвах, которую только могла. И знаете, что странно? – Миссис Нэтвик упорно смотрела на собственные ладони на коленях. – Там была девушка, которая не считалась жертвой. Дэйзи Келли. Очевидно, она тоже была целью Криттонского Потрошителя, но никто ей не поверил. Знаете отчего? Потому что ей удалось сбежать. Потому что ее сердце не было тронуто. И потому что Дэйзи Келли была беременна.

Миссис Нэтвик заметно побледнела при упоминании имени Дэйзи Келли, но, когда я закончила свой длинный и пронзительный монолог, она уже выглядела не просто бледной, а мертвенно-белой. И я вдруг поняла, что она *меня* боится. Эта мысль была поразительной, ужасной, но я отмела ее. Важно закончить разговор сейчас же, а не переносить на потом. Позже я стану самой собой, тихой и милой, и миссис Нэтвик поспешит стереть из памяти эту ужасную ситуацию. Мы обе постараемся.

Но сейчас я продолжала задавать вопросы:

– Как мама узнала о Дэйзи Келли?

Миссис Нэтвик, с трудом разлепив бескровные губы, сказала:

– Они были подругами.

Ясно, я так и знала. Воодушевившись, я подошла к миссис Нэтвик, присела на корточки и положила ладонь на ее колено.

– Мама решила заняться убийствами после того, как похитили Дэйзи Келли, верно?

Мой голос дрожал, и миссис Нэтвик перевела на меня взгляд.

– Нет, нет, ты что, Кая, нет-нет-нет!

Я удивилась, едва не отпрянув назад от такой ее горячности.

Миссис Нэтвик шепнула:

– *Мэгги знала убийцу, и все то время... она все время пыталась найти доказательства.*

Мне на голову словно вылили ведро ледяной воды, и она, обжигая холодом, потекла по спине, груди, рукам. Я медленно поднялась, пытаюсь переварить сказанное. Дрожь в руках не проходила.

Все мгновенно встало на свои места. Ее письмо. Желание отправить меня подальше. То, почему ее убили. Тот, кто убивает девушек. Она знала, знала, знала убийцу Дэйзи Келли...

Я опустила взгляд на миссис Нэтвик:

– Мама сказала вам, кто это?

Миссис Нэтвик ответила без запинки, сказала простое «нет», но у меня мурашки поползли по плечам. Я на миг засомневалась, а не лжет ли она, чтобы уберечь меня от правды, но бедная женщина выглядела такой уставшей после разговора со мной, что я была уверена: у нее не хватило бы сил на притворство.

Наблюдая за ней, я похлопала по карманам в поисках таблеток. Это движение не укрылось от миссис Нэтвик, и она тут же встревожилась:

– Кая, тебе плохо? Опять приступ?

– Нет, – ответила я, покачивая головой. Наконец-то отыскав контейнер во внутреннем кармане куртки, я достала капсулу, проглотила ее и смочила горло водой из-под крана. Чувство, что что-то тяжелое давит мне на грудь, не исчезало, но я смогла говорить, не хватая судорожно ртом воздух:

– Он здесь.

– Кто? – Миссис Нэтвик то ли не расслышала, то ли не поняла, и я повторила еще громче:

– Я сказала, что он все еще здесь, все еще наблюдает.

– Кая, о чем ты говоришь?

– А вы не понимаете? *Он узнал о моей маме!*

Нет, на самом деле о маме я не произнесла ни слова. В голову резко ударила кровь, так что перед глазами почернело, и я лишь успела схватиться за край раковины да подумать о том, что, если продолжу копать в маминой Тайной квартире, наверняка тоже найду Потрошителя. После этого меня проглотила темнота.

Позже, когда я пришла в себя, сквозь открытую дверь в комнату, где меня устроили, до меня донесся строгий голос мистера Нэтвика:

– Розмари, мы должны отвезти ее в больницу. – Он всегда, когда был чем-то огорчен, называл жену Розмари, а не Роззи. – Ты же видишь, она все хуже и хуже. Если продолжить в том же духе...

Я закрыла глаза, мысленно обследуя тело. Похоже, я неудачно упала – при малейшем движении в колено будто кто-то ударял молотком. Откинув одеяло, я приподняла штанину и, увидев синяк, со вздохом откинулась на подушку.

– Кая! – изумленно воскликнула миссис Нэтвик, вдруг возникая в дверном проеме. – Как ты себя чувствуешь?

Значит, она все же победила мужа и тот удалится в кабинет.

– Все хорошо, – сказала я, поудобнее усаживаясь среди подушек. Кожу на ноге защипало от трения с одеялом. – Спасибо, миссис Нэтвик, и извините, что напугала.

Только через секунду после того, как я произнесла эти слова, я поняла, что извинялась не только за то, что бахнулась в обморок, но и за то, что довела ее до слез, вытряхнула на поверхность ее тайну, связанную с мамой.

Миссис Нэтвик подошла ко мне с болезненной улыбкой на губах; шаги были еле слышными, будто она боялась нарушить тишину. Присев на кровать, она с обреченным вздохом произнесла:

– Я жалею, что рассказала тебе все это. Нужно было оставить прошлое в прошлом.

Я ответила ей невозмутимым взглядом, в очередной раз успешно поборов раздражение. Разве миссис Нэтвик не понимает, что, если бы она не рассказала обо всем, мамина смерть оказалась бы напрасной? А та тварь, которая выследила ее, которая измывалась над другими девушками, осталась бы безнаказанной? Возможно в эту самую секунду Криттонский Потрошитель подыскивает себе новую жертву!

– Кая, скажи что-нибудь... – попросила миссис Нэтвик. Она хотела, чтобы я сказала не «что-нибудь», а убедила ее, что не стану лезть в мамины дела. Не стану впутываться в неприятности. Но я не могу лгать, как они, я скажу правду. Острая необходимость выплеснуть каждую ядовитую мысль на миссис Нэтвик была такой сильной, что я вцепилась пальцами в простыни, только бы не наговорить лишнего. И все же я призналась:

– Я отыщу его. Иначе все было напрасно.

Пригладив дрожащей жилистой рукой свои темные волосы, стянутые в красивый пучок, в котором прибавилось седых волосков, миссис Нэтвик боязливо произнесла:

– Я знала, что ты это скажешь, Кая... Но твоя мама потратила всю жизнь на это дело. Она бы не хотела, чтобы ты... – Миссис Нэтвик замолчала, но через секунду прямо взглянула мне в глаза и продолжила тверже, отчего тени в уголках ее рта углубились: – Мэгги не хотела, чтобы ты жила в том же кошмаре, что и она.

Я отсекала эти бессмысленные слова, спряталась от них. Мама не хотела... конечно, она не хотела умереть! И никто не хотел бы!..

Облизав пересохшие враз губы, я спросила:

– Вы знаете, что сейчас происходит в Эттон-Крик?

– Да... я прочла в...

– А что меня подозревают, об этом вы прочли? – перебила я, не желая давать миссис Нэтвик даже *шанса* вставить хоть словечко. Я знала, что она скажет: что мама мечтала, что

я окончу университет, стану уважаемым врачом, выйду замуж. *И в мои ближайшие планы не должна входить охота на маньяка.*

Я обрывала каждое ее слово решительным голосом:

– Они *меня* подозревают, миссис Нэтвик, меня! Они думают, что это я – убийца, что я могу быть кем-то, кто способен убить! – Я пообещала себе не распаляться, но не сдержалась. Мне просто жизненно необходимо было доказать ей, что я поступаю верно, что это единственный правильный путь. Но она не понимала, и вот на ее глазах уже выступили слезы. Мне хотелось хорошенько встряхнуть ее за плечи, чтобы она прекратила это. – Вы что, правда считаете, что я могу просто уйти? После того, что случилось с Джорджи?! С мамой?! Считаете, я могу все оставить после того, как он убил на моих глазах Сьюзен?! Отнял у меня папин...

Я не успела договорить, обжечь ее словами – миссис Нэтвик схватила меня в охапку и прижала к полной груди; горячо разревелась на ухо. Я шокированно замерла, все еще желая сплюнуть с языка окончание фразы, но не стала; похлопав миссис Нэтвик по спине, я зажмурилась. Миссис Нэтвик не виновата, я не должна нападать на нее. Я просто хочу, чтобы она была на моей стороне, чтобы понимала, что я правильно поступаю. *Я все делаю верно.*

– Давай сыграем в шахматы, Кая.

Я вздрогнула и посмотрела в сторону двери: на пороге возник мистер Нэтвик. Он улыбался, но я чувствовала в его взгляде напряжение. Поведя плечом и показывая под мышкой деревянную коробку, он кивнул в сторону коридора: – Идем, Кая.

Он не смотрел на жену, даже бровью не повел, когда она отвернулась к стене и стала торопливо вытирать слезы. Понятно. Теперь в игру вступает он. Но делать было нечего, я сдавалась – мистер Нэтвик был упрям, как вода, которая точит камень; откинув одеяло, я поднялась и направилась к выходу из комнаты:

– Конечно, давайте сыграем.

Я никак не могла заново привыкнуть к солнцу; здесь оно было ярким, каким-то обжигающим, враждебным. Эттон-Крик казался пустышкой, но я уже успела приспособиться к его фальшивому солнечному свету, неуютному и холодному, и даже к дождям. Здесь палило нещадно, и, шагая между аккуратных рядов могил, я стянула куртку и сложила ее на сгибе локтя.

Было неловко находиться среди могил мамы, папы и Джорджи – не могу припомнить, чтобы раньше я приходила сюда вот так просто, чтобы посидеть на пожухлой траве. Сцепив пальцы на шее, я подняла голову к небу и почувствовала, как от яркого света слепит глаза.

На меня нахлынуло какое-то тупое оцепенение. Уставившись перед собой на могильные плиты, я не могла придумать никаких слов. Все, что приходило на ум, казалось глупым и пустым.

Зачем я вообще пришла? Мне нечем похвастаться, нечем их порадовать. Я живу в аду, но не хочу, чтобы мама и папа или малышка Джорджи знали об этом. Я не хочу, чтобы они были в курсе, а особенно мама, что я оказалась в месте, о котором она думала в последнюю очередь, – в Эттон-Крик, в доме с незнакомыми людьми. Не хочу, чтобы они знали о Леде Стивенсон.

Я прижала горячие ладони к глазам, почувствовала под пальцами влагу.

Если вы меня видите, знайте: я держусь. Да, может, мне и нелегко, но я все равно выживаю, пытаюсь найти ответы. Знайте: я не сдамся. Я не из тех, кто сдается.

Ну, все, – я поднялась на ноги и подхватила куртку, – я вернусь к вам, когда решу эту загадку. Вы будете гордиться мной, мам, пап. Джорджи, я о тебе помню каждую секунду своей жизни. Я люблю вас.

Глава III

Окно в прошлое

После посещения церкви меня ждала встреча с адвокатами мамы, которые решали дела с наследством. Чтобы отделаться от их сочувствующих взглядов, камнями летящих в мою грудь, от их деловитых слов, по пути к миссис Нэтвик я заглянула в мамину галерею, чтобы проведать Томаса. Он был чрезвычайно рад меня видеть и тут же завалил вопросами о Первом медицинском павильоне, о моей жизни в Эттон-Крик и прочей ерунде – явно желал уйти как можно дальше от той темы, которую я подняла при нашей последней встрече: «Мама умерла не своей смертью, кто-то убил ее». Помня о своей установке посвящать как можно меньше народа в планы, я ответила на вопросы Тома: «Да-да, все хорошо. И со мной, и с Бенджи. Я хорошо учусь, как и всегда. У меня все прекрасно, лучше всех!»

Я лгала и говорила правду. У меня действительно все хорошо. И плохо тоже.

Незачем Томасу знать о том, в какую беду попала мама – он только зря расстроится, а помочь ничем не сможет.

Домой я вернулась как раз вовремя: миссис Нэтвик готовила ужин. Заметив меня, она расплылась в добродушной улыбке и что-то сказала о пирогах и сливках. Задержав на миссис Нэтвик взгляд, я заметила в уголках ее глаз напряженные морщинки – она боялась, что я снова нападу с вопросами. Мне тут же захотелось как-то загладить вину, притвориться милой и дружелюбной. Но на языке крутились только слова успокоения: «Не бойтесь, миссис Нэтвик, я уже выяснила все, что хотела». Эта фраза вряд ли ее так уж порадует. К тому же я не хотела снова доводить ее до слез и слушать просьбы «бросить дурную затею», что просто невозможно. Это не «дурная затея» и не просто «мамино дело» – оно и мое тоже. Однажды давно мама встретила Дэйзи Келли и уже не смогла вырваться из лап Криттонского Потрошителя. И я не могу, да и не хочу. Тот человек в ночи, отделенный от меня пеленой дождя и держащий Сьюзен за горло, – он такой же, как убийца Дэйзи Келли.

Но тут миссис Нэтвик первая нарушила молчание и попросила меня отправиться наверх немного отдохнуть. Я встрепелась, когда ее голос прервал мои размышления, и поспешно предложила помочь с ужином.

– Зачем? – миссис Нэтвик здорово изумилась. – Глупости! Давай дуй наверх отдыхать...

– Не переживайте, – перебила я, решительно поднимаясь с табуретки, – я хорошо готовлю! К тому же парень, с которым я живу... – Я тут же замолчала, поняв, какую сморозила глупость – миссис Нэтвик так и уставилась на меня, вытаращив глаза и застыв с ножом в левой руке и салфеткой в другой. – Э-э... я хотела сказать, что парень, у которого я *арендую комнату* в Эттон-Крик, очень хорошо готовит. Действительно отлично. Прямо лучше некуда...

Под испытующим взглядом мои щеки вспыхнули так, будто я сунула голову в камин.

– Он хорошо готовит! – закончила я безапелляционно. – С уткой ничего не случится!

Казалось, миссис Нэтвик вот-вот рассмеется, так что я нахмурилась.

– Я не за утку беспокоюсь, Кая... Что ж. Ну и кто же этот парень?

Я все еще смотрела хмуро.

– Мой арендатор. – Я пожала плечами, но тут же, вспомнив о Ное Харрингтоне, добавила несколько подробностей, чтобы развеять неверное представление, которое могло сложиться у миссис Нэтвик: – Жуткий домосед и зануда. У него полно времени, так что от нечего делать готовит целыми днями. Короче говоря, ничего примечательного.

На ватных ногах я подошла к раковине вымыть руки. Странное дело, но сердце мое кололось как сумасшедшее, должно быть, от взгляда миссис Нэтвик, который так и прожигал спину.

– Ничего примечательного, – повторила она каким-то странным тоном. – И тем не менее он все равно тебе нравится, так ведь?

Я замерла, наблюдая, как вода обтекает пальцы. Кожа на кистях рук просвечивала, не стыдясь демонстрировать голубоватые вены.

Да что это со мной? Почему я мнусь?

Прочистив горло, я закрыла кран.

– Да, он не кажется мне... – *опасным*, – плохим человеком. Просто он немного... – *подозрительный*, – странноватый. Ной странный, это – самое подходящее для него описание.

Боже, до чего же тяжело мне даются простые светские разговоры! И голос у меня при этом был до странного писклявый, какой-то неестественный. Обернувшись к миссис Нэтвик, чтобы попросить лук, или что там еще нужно для готовки, я застыла от ее красноречивой улыбки.

– Бросьте, миссис Нэтвик. Не знаю, о чем вы подумали, но перестаньте. Лучше скажите, что я должна сделать.

– Нет-нет-нет, – с озабоченным видом она покачала головой и оттеснила меня от раковины. Мне пришлось отодвинуться к посудному шкафу и замереть там по стойке смирно. – Даже если ты не чувствуешь боли в руке, это вовсе не значит, что рана затянулась.

Мне показалось, что последняя фраза прозвучала многозначительно, но я решила не цепляться к словам. Миссис Нэтвик все с той же странноватой улыбкой, от которой у меня бежали мурашки, предложила:

– Все же тебе здесь делать нечего, Кая. Может, поднимешься наверх и сыграешь в шахматы?..

Она кинула взгляд в мою сторону, но я покачала головой:

– Мистер Нэтвик спит. Когда я была в городе, он попросил купить таблетки от головной боли. – Я замялась, не зная, стоит ли продолжать этот разговор. – У него что, действительно какие-то проблемы на работе?

– Да, – коротко ответила миссис Нэтвик, и на этом тема, судя по ее тону, была закрыта. На несколько долгих секунд на кухне повисла тишина. Я наблюдала за тем, как ловко женщина орудует специальной кисточкой, размазывая оливковое масло по противню.

– Дорогая, ты не могла бы отправиться в магазин за фруктами? – Она предприняла еще одну попытку меня выставить. Мое сердце на мгновение дрогнуло в груди, но тут же забилось в привычном ритме.

– Я возьму машину?

– Конечно, ключи там, – она кивнула в коридор, где на столике в старой сахарнице обычно хранились ключи от дома, офиса и машины. – Купи бананов и груш. И большой апельсин.

К счастью, миссис Нэтвик была достаточно проницательной, чтобы понять, что машина мне нужна, чтобы поехать в магазин в объезд, а не идти мимо своего обуглившегося дома.

Солнце уже закатилось за горизонт, когда я купила связку бананов, несколько груш и огромный апельсин, который с трудом умещался в ладони. Продавщица – улыбчивая дама в прекрасном расположении духа – всучила мне какую-то листовку, что-то неразборчиво сказав. Я кивнула, запихав листок в карман и наострив уши: две женщины на соседней кассе громко обсуждали какую-то Софию:

– Я не понимаю, как это вообще возможно! Как в наше время человек может бесследно исчезнуть, тем более в таком юном возрасте?

– Черт знает что, черт знает что...

– Вот и я говорю: исчез, как сквозь землю провалился!

Закинув покупки в пакет, я ретировалась из магазина, не желая собирать сплетни о чужих трагедиях.

Голова моя была тяжелой, как гранитная плита, но, проезжая мимо своей старенькой школы, я не могла не остановиться. Из легких будто разом вышибло воздух, в ногах похолодело. Я уставилась на пустынное здание, затерявшееся в сумерках.

Здесь все и началось, здесь меня постигло проклятие. В ту секунду, когда в здание вошел Стивен Роджерс, когда увидел Лили, когда я пришла ей на помощь. Я перестала жить в тот момент, когда дала показания. Мы все перестали жить, когда он забрал жизнь Джорджи, а я – его. Тогда-то я и узнала о своем учителе литературы все, что только смогла. Мне было интересно, кем были его родители, какой была его любимая еда, какие награды в школе он получал. У меня не было сил остановиться, прекратить поиски, я подбирала каждую крупинку информации.

Но, несмотря на это, я никогда не посещала его могилу. Он был монстром, чудовищем, но у него тоже были цели, желания и мечты.

И раньше Стиви был нормальным. А затем я убила его.

Значит, я тоже стала чудовищем.

Может быть, поэтому мне удастся отыскать Неизвестного?

От назойливых мыслей меня освободила миссис Нэтвик. Фрукты! Поспешно оглядевшись по сторонам, я отъехала от школы, оставив позади и мертвую Лили, и тварь по имени Стивен Роджерс.

Подъехав к дому, я обнаружила у обочины незнакомый автомобиль. Этого мне еще не хватало – гости! Миссис Нэтвик всегда была превосходной хозяйкой, но я только все испорчу. Я даже на долю секунды подумала о том, а не утопить ли педаль газа и не умчаться куда-нибудь в город, но тут миссис Нэтвик снова позвонила. Подхватив пакет с покупками, я вошла в дом, и реальность внезапно наполнилась смехом и запахом запекающейся утки.

Я постояла немного в прихожей, приказывая себе: «Думай о чем-то хорошем, все хорошо», – но мышцы лица будто одеревенели. Растянув губы в улыбке несколько раз, я зажмурилась. В такой позе – с неестественной улыбкой до ушей и закрытыми глазами – меня и застукали.

– Жуткое зрелище, Айрленд, просто жуткое.

Я вздрогнула, не ожидая услышать голос Аспена Сивера в доме Нэтвиков, и едва не выпустила пакет из пальцев.

– Ты что здесь делаешь? – спросила я.

– Может, еще раз улыбнешься? – предложил Аспен, складывая руки на груди. – Это было хорошее начало.

– Начало чего?

– наших отношений.

Мы несколько секунд буравили друг друга взглядами: я все еще была поражена, а Аспен улыбался. Затем я стянула ботинки и, отодвинув их ногой в угол, пошлепала на кухню.

– Ты чего здесь? – снова спросила я.

Аспен сказал мне в спину:

– Как насчет банального приветствия? *Привет, мисс Айрленд, рад тебя видеть.*

Миссис Нэтвик, увидев меня в арочном проеме, нахмурилась. Видимо, выражение моего лица насторожило ее, хотя Аспен ей точно понравился, судя по разругавшимся щекам и улыбке. *Да и судя по тому, что она вообще впустила его в дом.*

– Кая... – начала она, но Аспен уже подошел ко мне сзади и, легонько коснувшись локтя, сказал:

– Нам надо срочно поговорить.

– Это мой друг, – коротко пояснила я, чтобы миссис Нэтвик не тревожилась, и, оставив на кухонной стойке пакет с фруктами, пошла за Аспеном на веранду. Когда мы очутились на

заднем дворе, улыбка с лица Аспена мигом исчезла, будто ее и не было. Я решила, что он невероятный актер – смог в два счета очаровать чету Нэтвиков.

Ночь была теплой, воздух свежим. По дороге, скрытой за деревьями, носились машины с подростками, но в целом было тихо. Встав подальше от входной двери, я облокотилась о перила и дрогнувшим от напряжения голосом спросила:

– Что случилось, Аспен?

Он медленно приблизился. В сумерках его лицо выглядело посеревшим и бледным, темные круги под глазами проявились отчетливее, складки в уголках губ обозначились резче.

– Расскажи детали своего похищения.

Я сперва подумала, что он шутит. Потом решила, что он о каком-то *другом* похищении. Потом резко вспомнила клетку Стивена, запах ржавчины, окровавленную ткань штанов и вкус крови во рту.

– *Нет*. – Я надеялась, что голос будет крепким как сталь, но он прозвучал блеклым эхом, будто шедшим из длинного коридора.

– Это важно, Айрленд.

Меня замутило, но я сумела обернуться к Аспену и внимательно посмотреть на него. На этот раз мой голос звучал резко:

– Ты что, только за этим приехал? – Аспен упрямо сжал губы, и я раздраженно затопала назад к двери.

– погоди...

– Не хочу я об этом говорить.

– Стой. – Аспен взял меня за запястье, и я подчинилась, хотя очень хотелось вырвать руку и умчаться в дом, спрятаться наверху в своей спальне, задернуть шторы на окне в прошлое, которое то Аспен, то его старшая сестра Альяма все норовят распахнуть.

– *Это важно*.

Я взгляделась в его непроницаемое лицо, по которому трудно было что-то понять, и тут Аспен отпустил меня и шагнул назад к перилам террасы. Облокотившись, он встрепал волосы на затылке, затем пригладил их, избегая смотреть мне в лицо.

– Когда ты уехала, мне приснился сон.

Секунды две я подумала над этим, пытаюсь связать эту фразу с предыдущими, сказанными Аспеном минуту назад.

– И что?

– И то, – отрезал он, внезапно разозлившись на мою недогадливость. Неуклюже переступив с ноги на ногу, он скрестил руки на груди, буркнув: – Мне не снятся сны. Никогда.

– Я помню, и?

Аспен тихо выругался, рассердившись еще больше. Я не понимала: он на меня злится или на себя? Казалось, на нас обоих. Отчего-то стало зябко, и я сунула руки в карманы штанов. Нашупала какой-то листок, сжала его в кулаке.

– Мне снилось, что тебя похитили, – наконец-то выжал он и уставился под ноги. Мне хотелось тут же заявить, что этого никогда не случится. Потом я хотела улыбнуться и сказать, что ему снился лишь сон. Затем добавить, что он беспокоился зря.

Поэтому мое молчание затянулось на целую минуту, и только потом, соединив все кусочки пазла, я сделала вывод:

– Ты не уверен, что это был сон. Ты думаешь, что это видение?

Аспен поднял голову, и мы встретились взглядами.

– Это было в амбаре на кукурузном поле, вот я и подумал... Ты была привязана к поточной балке, висела на ржавом крюке, словно животное на мясобеине...

Я не знала, как отреагировать на слова Аспена, а он смотрел так, словно ждал мгновенной реакции. Я поняла это по напряженной складке между его темных бровей, по сжатым в

упрямую линию губам. Он, должно быть, хотел, чтобы я испугалась. Или развеяла его подозрения, успокоила, *утетила*.

– Это был заброшенный склад, – отрывисто сказала я. Помолчала немного. Глядеть на Аспена не хотелось, так что теперь я заняла его позицию и стала смотреть куда угодно, только не в его темные провалы глазниц, ярко контрастирующие на бледном лице. – Он запер меня и Джорджи в клетке... – *Пытал несколько дней*, – едва не сболтнула я лишнего, но вовремя остановилась и, прочистив горло, решительнее закончила: – Никакого амбара не было, Аспен, и кукурузного поля тоже не было.

Снова отдергивая вонючую грязную штору с окна в прошлое, я одновременно пыталась сообразить, как и почему мой образ оказался в видениях Аспена. Возможно, это случилось потому, что я познакомила его с Тайной квартирой? Может быть, он стал на шаг ближе к убийце, впрочем, как и я, и теперь нам обоим грозит смертельная опасность, и видения Аспена подсказывают нам разгадку? Или это был всего лишь ночной кошмар, навеянный пережитыми ужасами?

Я попросила его рассказать подробнее о том, что он видел, и Аспен неохотно подчинился. Подробности были выданы сухим и бесстрастным голосом, что сразу показало мне, насколько Аспен был потрясен сновидением. Я была связанной, растерзанной, как туша зверя, вся в крови. Он пытался развязать меня, но не сумел – еще бы, ведь это был лишь ночной кошмар. Упоминая подробности, Аспен отводил взгляд, и я подумала: а не утаил ли он от меня каких-то деталей? И едва не задала этот вопрос, но решила, что, раз он не поделился какими-нибудь особенно омерзительными подробностями, возможно, мне и не стоит о них знать.

– Может быть... – осторожно начала я, стараясь подобрать правильные слова, чтобы не ранить его, – это был просто дурной сон? Ведь ты многое пережил, ты видел Тайную квартиру, и затем мы несколько часов обсуждали Криттонского Потрошителя и Неизвестного...

– Нет, нет, – резко отверг он мои попытки обнадежить его, – это не был сон. Мне никогда не снятся сны. Это было что-то другое... Я не знаю...

Он снова зарылся пальцами в волосы.

– Поверь мне.

– Да я верю, – кивнула я, – верю конечно. Еще бы не поверить в свете последних событий... – я перестала бормотать, когда Аспен пригвоздил меня взглядом.

– Я видел кукурузное поле по пути сюда, – заявил он. – Там есть амбар?

– Кажется, есть какой-то сарай, – ответила я, уже заранее зная о том, что нам придется сделать. – Кажется, он принадлежит кому-то из соседней деревни, но им не пользуются уже несколько лет.

– Погоди-ка, – остановил он меня, а затем поспешил в дом. Я отвернулась к дороге и посмотрела сперва в один конец улицы, затем в другой.

Если у Аспена и вправду было видение, значит, я напала на след маньяка. Значит, я иду в правильном направлении. И если Аспен увидел будущее, значит, мне нужно успеть отыскать Неизвестного до того, как они с Потрошителем узнают обо мне.

– Эй, Айрленд, – позвал Аспен, и в следующую секунду я вздрогнула, когда он коснулся моей спины. Обернувшись, я увидела в его руках свою куртку.

– Что ты делаешь? – спросила я. – Ты хочешь поехать туда *сейчас*?

– Ага, – подтвердил он, дергая молнию на своей куртке вверх. – Я понимаю, ты напугана, но ты должна сотрудничать.

– Единственный, кто здесь напуган, – это ты, – парировала я, одеваясь. Аспен помог просунуть мою многострадальную руку в рукав, не слушая моих заверений о том, что рана затянулась и боли я не чувствую. Судя по растрепанному виду, мысленно Аспен уже был в амбаре, и я поняла, что ему необходимо, просто *жизненно необходимо* очутиться там сию же

секунду и развеять собственные опасения, иначе он, скорее всего, даже не сможет сомкнуть глаз.

– Да, я не спорю, мне страшно, – подтвердил он мою догадку, – но я и должен бояться. Я не могу позволить, чтобы с тобой что-то случилось.

Не удосужившись выслушать мой ответ, он спешно сбежал по лестнице и направился к машине. «Я не могу позволить, чтобы с тобой что-то случилось», – продолжала слышать я; простая, легкомысленная, будто ничего не значащая фраза. Но для меня она значила слишком многое, и я, встревоженная, подошла следом за Аспеном к его машине.

Точно так же он вел себя со Сьюзен, – вспомнила я, – переживал, что не сможет спасти ее.

Я едва не оступилась; мысль, что Аспен переносит на меня образ Сьюзен, покорила. Я не знала, что это за новое ощущение, и не могла его озвучить вслух – Аспен уже прыгнул на водительское сиденье и нетерпеливо оглянулся в мою сторону:

– Может, мне сесть за руль? Я лучше ориентируюсь.

Он смутился.

– Ты права, я не подумал... – Мы поменялись местами, и я, наконец-то почувствовав себя увереннее, задала вопрос:

– Почему ты переживаешь за меня?

Отъезжая от дома, я заметила взгляд, брошенный в мою сторону, – полный какого-то горького веселья.

– А *ты* почему кажешься равнодушной?

Аспен задал вопрос в тон мне – легкомысленно, бесстрастно, но у меня в груди снова что-то защемило. Я кажусь равнодушной? Наверное, так и есть. *Я кажусь равнодушной потому, что хочу такой казаться.*

– Мы ведь друзья? – спросил он, по-прежнему не отводя от меня взгляда. Я кивнула, и Аспен тут же сказал: – Вот потому и переживаю, не хочу, чтобы с тобой случилось то же, что со Сьюзен.

Вот он и сказал это вслух – озвучил мои собственные мысли. А мне даже нечего было возразить, ведь глупое «со мной ничего не случится» в скором времени могло оказаться ложью, а я уже однажды солгала Джорджи и больше никогда не совершу эту ошибку.

– Теперь за город, – объявила я, когда мы миновали центр.

Погруженный в свои мысли, Аспен молча наблюдал за проносящимся мимо пейзажем. Россыпь небольших аккуратных домов в центре сменили большие фермерские участки, затем и те исчезли. Недавно прошел дождь, и дорога серебрилась в свете фар; плотная стена деревьев лесополосы казалась черной; луна тоскливо зависла на небесном полотне, укрытая хмурыми облаками.

Аспен продолжал молчать, и я стала нервничать. Неужели прямо сейчас он себя накручивает, заново переваривая свой сон, где меня пытаются?

Прочистив горло, я поинтересовалась:

– Что ты сказал миссис Нэтвак, из-за чего она так легко нас отпустила? – *Боже, это мой голос звучит так фальшиво?* Кашлянув, я добавила: – Она, понимаешь, слишком печется обо мне...

– Да я просто сказал, что мы идем на свидание.

– Чего?

– А что? – он вдруг развеселился, и я одновременно и рассердилась из-за того, что он обманул миссис Нэтвак, и почувствовала облегчение – кажется, Аспен снова стал прежним. – Едва я постучал в дверь, как эта милая дама затащила меня в дом, решив, что я твой парень, о котором вы, как я понял, только-только говорили. Опровергать ее суждения было бы не совсем вежливо...

– И миссис Нэтвик поверила?

– Я могу быть чертовски убедительным. Кстати, тебя назвали интриганкой, – тут Аспен рассмеялся. – Слышал, ты терпеть не можешь татуированных парней, но все же отхватила себе такой аппетитный кусочек пирога, как я.

– Аппетитный кусочек пирога, – повторила я, уже смеясь, – миссис Нэтвик никогда бы не назвала тебя так. Хватит уже ржать. По-твоему, это смешно?

– Если бы ты была беременна, мне бы не было смешно. – Я кинула на Аспена хмурый взгляд, и он фыркнул, тут же попытавшись замаскировать приступ смеха кашлем. – Впрочем, это уже совсем другая история. Ты лучше на дорогу смотри, а не на меня. Я же просто импровизировал... Вот то место! – вдруг воскликнул он изменившимся голосом. Возбужденно подпрыгнув на сиденье, Аспен указал на проселочную дорогу, убегающую влево.

– Да, – кивнула я, переключая скорость, – скоро приедем.

Удовлетворенный ответом, Аспен откинулся на сиденье и прикрыл веки. Машина покачивалась на кочках, и Аспен, кажется, уже через минуту задремал. Сейчас он выглядел абсолютно иначе – не было морщинки между бровями, упрямых складок в уголках губ.

Десять минут спустя я сбавила скорость и свернула на обочину у дорожки, которая вела напрямик к заброшенному амбару. Фары машины выхватили из темноты высокие, тонкие стебли кукурузы, качающиеся на ветру, и я поежилась от странного ощущения неминуемой беды.

Заглушив двигатель, я обернулась и позвала Аспена, но он не очнулся. Я положила ладонь ему на лоб, проверяя температуру, как вдруг он подскочил, будто ужаленный.

– Когда ты ел в последний раз? – поинтересовалась я, убрав руку. Он отшатнулся от меня как от безумной.

– Ты чего пристаешь ко мне во сне? – Я изогнула бровь. – И у тебя руки ледяные!

– А у тебя простуда, – ответила я, и Аспен, по-прежнему глядя на меня с сомнением, обнял себя и потер плечи вверх-вниз. Я выключила фары и вытащила ключи из замка зажигания. Протянув их Аспену, сказала: – Тебе срочно нужно выпить таблетку, я серьезно.

– Спасибо за заботу, – сказал он с сарказмом, – но нет, с меня хватит таблеток. – Отчего-то разозлившись, он выбрался из машины и, дождавшись, когда я следом ступлю на землю, включил сигнализацию.

– Дело твое, – пожала я плечами, – но ты можешь быть заразным. Тебя не тошнит?

– Прошу по-хорошему: отстань.

Я не стала настаивать, сунула руку во внутренний карман куртки, достала фонарик и посветила в глубь поля.

– Ну как, узнаешь место?

Аспен бросил в мою сторону скептический взгляд, буркнув:

– Все поля одинаковые, дай хоть осмотреться. – Обогнав меня, он что-то пробормотал о кукурузных детях. – Мы как будто в ужастике каком-то снимаемся...

– Не знаю, наверное, – отстраненно согласилась я, сжимая и разжимая замерзшие пальцы в кармане куртки. Изо рта вырывался пар, нос замерз, за шиворот куртки скользнул холодок, и я поежилась, чувствуя, как сокращаются мышцы спины.

– Ты хоть телевизор смотришь? – поинтересовался Аспен, снова одарив меня одним из тех взглядов, которые ясно дают понять, насколько я странная.

– Нет, – ответила я, перекладывая фонарик в другую руку. Заметив мое неловкое движение, Аспен тут же отнял фонарик, буркнув:

– Забудь. Ты даже не можешь признаться, когда тебе холодно. И прекрати напрягать правую руку или навечно останешься калекой.

– Ладно, – с легкостью согласилась я, только бы Аспен оставил в покое тему моих странностей. То, что я не видела какой-то там фильм ужасов, не так странно, как тот факт, что я

умерла из-за Леды Стивенсон. Или тот факт, что у мамы была Тайная квартира, где она собрала всю доступную информацию о жертвах Криттонского Потрошителя.

Внимательно глядя по сторонам, Аспен осторожно пошел вперед. Пока он таращился то в одну сторону, то в другую, я внимательно следила за выражением его лица, пытаюсь понять, вспоминает ли он это место.

– Ну что, помнишь что-нибудь?

– Да я же тебе только что сказал... – раздраженно начал он и вдруг споткнулся обо что-то и рухнул на меня, как мешок картошки. Я вскрикнула от боли, когда забинтованная рука оказалась зажата между нашими телами. На мгновение в глазах потемнело от боли и в висках глухо застучала кровь, а в следующую секунду меня повторно рвануло крюком за нервные окончания – Аспен поднял меня на ноги, рассыпаясь в извинениях.

Сжав зубы, я аккуратно вытащила руку из кармана, разгибая ее в локте. Аспен стряхнул комки земли с моей одежды.

– Звезды показались настолько привлекательными? – процедила я, массируя предплечье.

Он покачал головой и снова посмотрел вверх. Его задумчивый голос понизился до шепота, я едва расслышала:

– Нет-нет... что-то здесь не так... слишком холодно.

Я изогнула брови:

– Слишком холодно? – Я тоже посмотрела вверх, на луну.

– Да, холодно, – Аспен кивнул и опустил взгляд на меня. Что-то меня насторожило – серьезность, с которой он относился к ситуации, передалась и мне. Я даже забыла о болезненной пульсации в правом запястье. – Тогда мне не было холодно, Айрленд, было теплее, значительно теплее.

– Ну так это был сон.

– Нет, – отрезал Аспен, – нет, это случится прямо здесь!

И вдруг он бросился бежать.

– Аспен! – Я поспешила следом. – Аспен!

– Мне плевать, – выдохнул он, – ты можешь мне не верить, можешь относиться с беспечностью к тому, что я видел, но это случится!

– Да погоди ты... – Я безуспешно попыталась схватить его, но Аспен упрямо держал путь к заброшенному амбару, тонущему в ночной мгле. – Это был не сон, я ошибся.

Он замедлился, свет фонарика перестал прыгать.

– Почему ты... – вновь начала я, но он уже скользнул внутрь амбара, огромная дверца которого была приоткрыта. На мгновение оказавшись в темноте, я застыла. Вид Аспена, исчезающего в разъявленной пасти заброшенной постройки, на долю секунды привел меня в необъяснимый ужас, но затем я взяла себя в руки и без энтузиазма шагнула следом.

Не успела я испугаться густой тьмы, как где-то наверху загорелся свет. Подняв голову, я увидела на втором этаже Аспена, перегнувшегося через перила.

– Иди сюда, – громко позвал он.

Ступая по соломе, я направилась к лестнице-стремянке. Под ногами валялись фантики от конфет и несколько банок из-под пива. Еще я заметила у одного из отсеков для зерна подозрительное пятно, похожее на засохшую кровь. Отогнав мысли о том, что могло здесь случиться и чья это кровь, я взобралась по лестнице, перенесла вес тела на левую руку. Аспен ухватил меня за локти и помог встать на ноги. Ощущение, что все это уже случалось со мной, усилилось. Я быстро осмотрелась: полки со всяким мусором, окно, сеточка паутины по углам – и я наконец призналась вслух:

– У меня ощущение дежавю.

Аспен не удивился, он и так уже все понял по моему напряженному взгляду. Чувство, что я была здесь, усиливалось с каждой секундой, и вот мне уже и воздух казался знакомым, и звуки снаружи, и даже ощущение скрипучего настила под подошвами ботинок.

– Может, несколько вечеринок в школе?.. – осторожно предположил Аспен.

– Я не ходила на вечеринки.

То, что он не выдал какой-нибудь глупости типа «меня это не удивляет», только подтвердило, что ситуация серьезная. Мы встали плечом к плечу, и Аспен молча указал на массивные потолочные балки над нашими головами.

– Это там ты меня видел? – уточнила я и, взяв у Аспена фонарик, направилась к крюку, прикрепленному к одной из балок. Аспен вскинул руку, неосознанно пытаясь защитить меня от опасности, но я успела поднырнуть под нее.

– погоди, может, не стоит?..

– Здесь кровь, – сказала я, посветив вверх на острие крюка.

– Наверное, какого-нибудь животного, – отозвался Аспен за моей спиной, но подходить не стал. Голос у него был хриплым, простуженным. Должно быть, он вновь вспоминал увиденное: меня на том крюке, мою кровь, мои связанные руки, вытянутые вверх.

Осмотрев засохшую кровь, отдающую ярким красным в свете фонарика, я шагнула в сторону и вдруг на что-то наступила.

– Тут веревка, – сказала я, глянув в сторону Аспена; от его судорожного вздоха у меня холодок пробежал по спине, но я наклонилась и подняла ее. Когда пальцы коснулись шершавой бечевки, я почувствовала фантомную боль в запястьях – ровно в тех местах, где веревка натерла кожу.

Она из прошлого.

Это. Просто. Мое прошлое.

– Дай мне взглянуть, – сказал Аспен, и я вздрогнула от неожиданности, забыв, что он все это время находился рядом и наблюдал за мной. Отдав ему веревку, я сунула руки в карманы куртки и как можно легкомысленнее отозвалась, качнувшись с пяток на носки и назад:

– Ничего необычного.

– Ну, если я видел будущее, – пробормотал Аспен себе под нос, явно не слыша меня, – все должно измениться, верно?

Я кивнула, глядя, как он запихивает находку к себе в карман. Не хотелось развеивать надежды друга и напоминать, что, если Неизвестный похитит меня, все приспособления для пыток у него будут с собой, потому что он не импульсивный убийца, а просчитывает каждый шаг наперед.

– Все изменится, – увереннее заявил Аспен, явно пытаясь убедить в этом себя. Я снова кивнула и в последний раз осмотрелась. Крюк с запекшейся кровью все так же привлекал внимание, и я подумала: а вдруг здесь был кто-то еще? Вдруг здесь будет кто-то *до меня*?

Аспен, окрыленный надеждой, зашагал к лестнице, и я пошла следом. Ноги, казалось, весили тонну, руки в карманах были чужими. *Поделись настроением со мной, Аспен*, подумала я, глядя ему в спину.

Мне не хотелось отвлекать его от размышлений и погружать в свои. *Даже если он снесет этот заброшенный сарай и сожжет поле, Криттонский Потрошитель все равно меня отыщет.*

Просто потому, что я не оставлю попыток отыскать его.

– Айрленд! – вдруг Аспен остановился. – Что, если они заодно, что, если ты права? Помнишь, ты говорила, что, по-твоему, Потрошитель и Неизвестный – один человек? А вдруг они заодно?

– С чего ты это взял? – спросила я, переступив с ноги на ногу. То, как резко Аспен завел эту тему, сбilo меня с толку. Я попыталась припомнить наш разговор в Тайной квартире. – У

них разный почерк, Аспен. Потрошитель убивал женщин определенного типажа, вырезал их сердца. А наш Неизвестный убивает целые семьи.

– Потому что я говорил с Ледой Стивенсон.

Я опешила, услышав ее имя здесь, за сотни километров от Эттон-Крик.

– Что? – *И ему ведь можно спокойно разговаривать с ней без страха получить судебный запрет!*

– За ней следят. Она сказала, это ты и еще какой-то мужчина. – Я уже открыла рот, собираясь возразить, но Аспен опередил меня: – Прекрати, я знаю, что ты не собираешься ее убивать. Просто если опустить тот факт, что Леда подозревает тебя, получается, их двое – мужчина и женщина. В прошлый раз я решил, что Леда галлюцинирует, но теперь мне кажется, в этом что-то есть.

– Когда ты говорил с ней?

– Прошлой ночью. Мы столкнулись в парке, она была до смерти перепугана, сказала, кто-то гонится за ней.

Я молчала, должно быть, целую минуту. Устыдилась разом всех тех моментов, когда хотела наорать на нее, когда была груба. Неудивительно, что эта девочка-цыпленок такая дерганная. В итоге я сказала:

– Выходит, Леда и вправду связана со всем этим. Олива погибла от рук Криттонского Потрошителя, а теперь кто-то и за Ледой следит.

– Как прошло свидание? – радушно спросила миссис Нэтвик, с любопытством глядя то на меня, то на Аспена, когда мы вошли. Я только в пути узнала, что миссис Нэтвик предложила ему остаться в доме. Если вдуматься, скоро ей можно будет открывать гостиницу.

– Мы любовались пейзажем... – Пока Аспен импровизировал, в красках расписывая миссис Нэтвик впечатления от города, я метнулась на кухню, чтобы смочить горло, потому что, когда он сказал, что останется на ночь здесь и вернется в Эттон-Крик вместе со мной, у меня тут же язык буквально прилип к нёбу.

– ...Очень тихо, спокойно... Знаете, здесь гораздо теплее, чем в Эттон-Крик. Со дня на день там может пойти снег.

Что за чушь он несет? – подумала я, хмурясь. – *Еще и разговаривает так, будто оказался на каком-то светском приеме.*

Столкнувшись взглядом с собственным отражением в оконном стекле, я поразилась своему недовольному виду и тут же расслабила мышцы лица. Споласкивая стакан, я снова прислушалась к разговору в коридоре – казалось, Аспен и миссис Нэтвик специально поджидают меня.

– Кая может быть действительно немногословна, ну, вы знаете... – И они рассмеялись, будто это была их общая шутка. Я снова нахмурилась. Поставив стакан обратно в шкаф, я вышла в коридор как раз в тот момент, когда Аспен с деланой смущенностью пояснял, как мне, должно быть, не по себе от того, что он останется со мной на ночь.

Оч-чень интересно послушать.

Он же не думает, что останется на ночь в моей комнате?

К счастью, в эту весьма увлекательную беседу между краснеющей от смеха миссис Нэтвик и Аспеном, демонстрирующим все свои актерские таланты, вмешался мистер Нэтвик. Поставив фильм на паузу, он, не замечая меня, застывшую в дверном проеме, произнес:

– Хватит щебетать, Роззи. Значит, так, Аспен, – и тут он перевел взгляд на моего друга. Даже у меня, хоть я и стояла за спиной мистера Нэтвика и не видела выражения его лица, волосы встали дыбом. – Я не позволю тебе спать в одной комнате с Каяй, даже не мечтай.

Я едва не рассмеялась в голос, когда Аспен с пришибленным видом забормотал:

– Я и не думал...

– Вот и хорошо, – закончил мистер Нэтвик, а затем вернулся к просмотру фильма, сменив грозную маску на добродушную. Аспен, помолчав, вновь заговорил с миссис Нэтвик, минуя опасную тему.

Сдержав усмешку, я отправилась в ванную комнату на первом этаже, достала из тумбочки под раковиной аптечку и вернулась в гостиную. Мистер Нэтвик тут же напрягся, глянув на меня подозрительно.

– Ну и что ты делаешь?

Я присела перед ним на журнальный столик.

– Хочу измерить давление. Закатайте рукав.

– В чем дело, Кая? – Миссис Нэтвик сразу вся подобралась, скрестила руки на груди и повернулась корпусом в мою сторону.

Минуту спустя я отложила тонометр в аптечку и спросила:

– Как давно вас мучает бессонница?

– Э-э... – взгляд опасливо метнулся к жене, потом обратно ко мне. – Неделью?... Может... десять дней? Недели две-три?... Даже и не знаю...

– Тошнота?

– Мм...

– Ладно, – оборвала я, порылась в аптечке и протянула ему упаковку таблеток. – Ваши лучшие друзья, как и всегда, когда вы не следите за своим здоровьем. Еще пара дней в таком бешеном темпе, и вы просто свалитесь. – Он нахмурился, явно собираясь спорить, но я покачала головой, внезапно почувствовав себя такой же уставшей, каким себя, пожалуй, чувствовал хозяин дома. – Идите наверх, хорошенько выспитесь. Выпейте это, не смотрите телевизор, не читайте, ничего не делайте.

Брови мистера Нэтвика сошлись на переносице, а миссис Нэтвик в свою очередь улыбнулась так, будто я вручила ей новый кухонный комбайн, о котором она мне рассказывала по пути домой с вокзала: «Новинка, десять дополнительных функций, и по скидке, Кая, по лучшей скидке! Всего один день – сегодня! Я собираюсь сейчас же позвонить и заказать эту модель!» К счастью, мне удалось отвлечь ее от этой неблагоприятной затеи.

– Кая, ты действительно врач! Как ловко ты со всем этим управляешься!

– Чтобы заметить переутомление, не нужно быть врачом, – сказала я, слабо улыбнувшись, и потопала с аптечкой в ванную.

Аспен бочком скользнул за мной, пока миссис Нэтвик высказывала мужу, как она зла на него за то, что он все время пропадает на работе, и запер дверь ванной на замок. Я удивилась:

– Ты что делаешь?

– Хочу принять с тобой душ, – сказал он, но прежде, чем я отреагировала, серьезным тоном добавил: – Почему ты делаешь это?

– Что – это?

– Разговариваешь так со стариками?

Я озадачилась, подумала секунду над тем, что такого сказала, и, ничего дельного не придумав, переспросила:

– О чем ты?

– Ты сказала, что любой может диагностировать переутомление. Это из-за Джорджи?

Даже когда Аспен запер нас в ванной комнате, я так сильно не удивилась, как в тот момент, когда с его губ слетело имя моей сестры. Я почувствовала, что краснею от раздражения.

– Я же сказала тебе: говорить можно о чем угодно, кроме этого.

– Знаю. – Аспен цокнул языком, и я уже было расслабилась, но тут он решил подлить масла в огонь, добавив: – Я знаю, как ты стараешься быть хорошей, поэтому не нужно недооценивать себя. Не говори так, будто ты не делаешь ничего особенного, Кая, ты уже особенная, и тебе не нужно...

– Я знаю себе цену, Аспен, – сердито прервала я и, решительно отодвинув его с дороги, щелкнула замком и вышла в коридор. Прохладный воздух тут же лизнул разгоряченные щеки, и в следующую секунду я застыла на месте – мистер и миссис Нэтвик, стоявшие у входа в гостиную, посмотрели на нас с Аспеном и выразительно переглянулись.

– Хватит смотреть, – попросила я, начиная еще больше сердиться. – Мы разговаривали.

Аспен за моей спиной что-то пробормотал, переступив с ноги на ногу, и мистер Нэтвик прищурился, согласившись:

– Разумеется, ведь в нашем двухэтажном доме совершенно нет свободного места для бесед, да, Роззи?

– Да-да, я тоже об этом подумала.

Судя по их взглядам, подумали они совершенно не об этом. Проигнорировав их, я направилась на кухню, чтобы поужинать перед тем, как запереться наверху в комнате Селены.

Ноги казались двумя чужеродными обрубками, но я под внимательным взглядом хозяев дома ни разу не споткнулась. Аспен вывел меня из себя, выбил из колеи. Кто ему позволил задавать такие вопросы, спрашивать эти вещи... Ему кажется, мы стали так близки, что он может с легкостью анализировать мое поведение?

– Кая, – шепнула миссис Нэтвик, коснувшись моей поясницы, – мы уже поужинали, поэтому идем наверх. Ты тут как, справишься?

Я не была уверена в том, что значил ее вопрос, но ответила положительно.

– Спокойной ночи, – пожелала я миссис Нэтвик, и она послала мне ответную улыбку. Аспен тоже поддакнул, устраиваясь за обеденным столом, но все внимание сосредоточил на мне.

– Извини, я осел.

– Ничего.

Я накрыла на стол, села напротив, подтянула тарелку поближе. Утка, приготовленная миссис Нэтвик, была восхитительной, но аппетита у меня не было.

– Ты всегда так говоришь, – начал занудствовать Аспен. Смерив его взглядом, я спокойно ответила:

– И это всегда правда.

И тут внезапно я поняла, что сейчас сижу на месте Ноя Харрингтона. В наших с Аспеном отношениях я – Ной. Я что-то скрываю, командую, веду себя, мягко говоря, не очень вежливо. Аспен на моем месте: задает вопросы, на которые, даже если я и знаю ответ, не всегда отвечаю.

– Из-за твоего пронизывающего взгляда мне кусок в горло не лезет, – посетовал он, многозначительно делая глоток воды. Я усмехнулась:

– Просто вспомнила кое-что, но этот человек не заслуживает такого пристального внимания с моей стороны.

Аспен скептически приподнял бровь:

– По-моему, ты так обо всех думаешь.

– Неправда, – возразила я, хмуро наблюдая, как он поглощает еду, – просто мне сложно находить общий язык с людьми.

– Ха-ха, ты сказала, что чего-то не можешь? Повторишь на камеру?

– Ты что, издеваешься?

В ответ Аспен покачал головой так, будто я безнадежна, и бросил сердитый взгляд на мобильный телефон, вздрогнувший на краешке стола.

– Гм... – он на секунду отвлекся, чтобы цапнуть еще ложку салата. – Вот уж... Альма пишет, что ее кинул какой-то парень.

– О, – только и сказала я. Обсуждать своего консультанта мне было неприятно, да еще и с ее младшим братом. Аспен понимающе хмыкнул, кинув на меня взгляд:

– Ага. Она тебя достает? Можешь не отвечать, солдат, – добавил он с иронией. – Мы с Альмой, конечно, поддерживаем отношения, но порой она очень напоминает мне Патрицию. – Тут он задумчиво потыкал вилкой кусок мяса, будто представляя на его месте лицо матери. – Альме от нее досталась чертовски сильная навязчивость...

Я поерзала на стуле, быстро соображая, что сказать. Аспен и вправду хочет обо всем этом поговорить? Или просто не сдержался и сболтнул лишнего? Или думает, что я все еще злюсь, и пытается ослабить напряжение между нами?

Чувствуя себя не в своей тарелке, я все же произнесла, тщательно взвешивая каждое слово:

– Да, иногда она настойчива, но по большей степени мягкая.

Мы встретились взглядами, и, могу поспорить, он меня вычислил. Понял, что я стараюсь поговорить о чем-то... *нормальном*. Но он охотно подыграл мне, и целый час мы провели за обсуждением сущей ерунды. В основном болтал Аспен, но потом разговорилась и я и даже рассказала о том, как пыталась однажды ездить на мотоцикле. Аспен хохотал как безумный и заразил смехом меня. Войдя в раж, я добавила:

– А еще я однажды уснула прямо в лесу.

– Серьезно?

– Да. Я просто бегала как обычно, а затем упала и проспала три часа или около того... Там еще белка была, смотрела на меня, пока я спала...

Аспен тихо рассмеялся, и этот искренний, мягкий смех тронул какие-то струны в моей душе, те, на которых могли сыграть только близкие люди. Я почувствовала радость, что Аспен рядом и внезапно напомнил мне о том, что я все еще жива, что я существую.

Это ощущение было острым и болезненным и быстро закончилось. Внезапно пришло осознание: не имеет значения, как сильно Аспен будет убеждать себя в том, что сумел изменить мое будущее, оно неизменно наступит.

Едва я разгадаю мамину загадку, в конце пути мы встретимся с убийцей лицом к лицу. Пока что я в безопасности, пока что на шаг впереди, ведь обо мне он ничего не знает, в то время как я знаю кое-что: я знаю, что мама его вычислила, ответ где-то там, среди всех тех папок в Тайной квартире. Когда я закончу с документами, я тоже буду знать его имя.

Я почему-то стояла на противоположной стороне дороги от своего дома, разглядывала черепичную покатуку крышу мансарды, белоснежные стены, лужайку с разросшейся травой. Сорняки хотелось немедленно выполоть, но мама говорила, что ей нравится небольшой беспорядок.

За моей спиной опускалось солнце. Прищурившись, я с тревогой посмотрела на соседние дома, подняла глаза к небу. *Сейчас случится что-то плохое.*

Замешкавшись, я все же направилась к дому. Мимо не проехало ни одной машины, ни одна собака с соседних дворов не разразилась лаем, казалось, мир погрузился в безмятежный сон.

В тот момент, когда я шагнула на тротуар, мир пошатнулся – назад на дорогу меня отшвырнул яростный взрыв. Из меня вышибло дух, я застыла. Лежа на асфальте, я смотрела, как небо светлеет и темнеет. В следующее мгновение я уже увидела картинку со стороны: девушка, похожая на меня как две капли воды, выпрямилась и села. Дезориентированная в пространстве, она огляделась. Я кричала ей, чтобы она шла внутрь, спасла маму, не сидела на месте. У нее по щеке стекла струйка крови и капнула с подбородка на одежду.

Мама, мамочка... – я огляделась на дом, понимая, что эта девушка на асфальте так ничего и не сделает. Но она с трудом поднялась и, пошатываясь, зашагала к тому месту, которое теперь только общими очертаниями напоминало парадный вход. Прямо по маминым клумбам, по сорнякам, которые она берегла. Сбросив куртку, она пыталась сбить с горящего порога огонь, чтобы войти внутрь и вытащить маму.

Кто-то кричал на меня, кто-то умолял уйти и спастись, но я не сдавалась.

Мама, мамочка...

Дыша раскаленным огнем, я выпрямилась и увидела ее – мама вышла на порог, объятая пламенем. Она напоминала факел с человеческий рост: тело, одежда – все было в огне. Она шла ко мне, приподняв обугленные головешки вместо рук, и, кажется, что-то пыталась сказать.

– Я не слышу, мам, я не слышу...

Она упорно двигалась в мою сторону, оставляя за собой горящие следы. Я приказывала себе стоять на месте, чтобы расслышать ее слова, но страх кинул меня назад, и я отшатнулась, выронив куртку. Запахло палеными волосами и горячей кожей.

– Мам...

– *Я должна была оставить тебя.* – Ее слова внезапно стали громче и отчетливее. – *Я должна была оставить тебя, я должна была оставить тебя, иначе он убил бы нас всех...*

– Мам! – в панике крикнула я, спотыкаясь обо что-то и падая на землю. Ударившись локтями, я даже не почувствовала боли – сознание до краев затопил страх. – Мам!

– И часто ты так спишь?

– Что?.. – Я распахнула глаза и ошалело посмотрела на Аспена, склонившегося надо мной. – Что ты делаешь?

– Ты орала как резаная. – С трудом сев на постели, я изможденно вздохнула, убирая прилипшие ко лбу спутанные волосы. Аспен все не унимался: – Как ты можешь говорить, что люди вокруг тебя нездоровы, в то время как сама валишься без сил?

Боже, это был лишь сон. Я заправила волосы за уши, накрыла ладонями глаза. *Это был лишь сон.*

– Эй, все нормально? – тихо спросил Аспен, сжимая мое плечо и усаживаясь рядом. Я кивнула:

– Да, да. Иди спать, Аспен. – Я глянула на него: – Прости, что разбудила.

– Я не спал. – Аспен поднялся на ноги, словно желая сбежать от неприятной темы, и я, вдруг почувствовав мстительное желание уколоть его, поговорить о том, о чем ему не хочется, сказала:

– Ты должен выспаться, хотя бы попробовать, у тебя еще и температура...

– Позволь мне самому решать, ладно? – отрезал он, пригвоздив меня взглядом. Судя по нерешительному и раздраженному выражению лица, он хотел еще что-то добавить, но передумал. Не прощаясь, он быстро ретировался, а я плюхнулась на постель.

Да что с нами со всеми? Почему мы так резки друг с другом и постоянно защищаем свою территорию, словно животные? Бросаемся друг на друга? Я вспомнила Ноя. Он просил меня быть более человеческой, понимающей. *А он сам?* Он только позволяет задавать вопросы,

но никогда на них не отвечает. *И даже когда ему кажется, что отвечает, слова все равно остаются непонятными.*

Он сказал, что я вернусь после того, как спасу Леду Стивенсон от самоубийства. Смог бы он отмотать время назад и вернуть меня в прошлое, чтобы предотвратить катастрофу? Нет, конечно, ведь Ной не волшебник. Будь у меня второй шанс, я бы не стала спасать Леду Стивенсон, не стала бы спорить с Майей. Я бы не пошла в тот проклятый туалет, я бы не... не приехала бы в Эттон-Крик. И моя мама была бы жива.

А еще лучше – пусть Ной Харрингтон все вернет на свои места, пусть сотрет все прошлые убийства, пусть повернет время вспять до того, как в Эттон-Крик началась самая первая кровавая череда смертей.

Я не заметила, как это случилось, но мысли о Ное принесли мне долгожданное спокойствие. Он будто занял место Аспена, сказал: «Спи без сновидений, Кая».

Кошмары больше не снились – приснился Ной, он уговаривал меня съесть три куса торта, потому что: *Мне жаль их выкидывать, понимаешь? Это искусство, съешь торт, Кая.*

Спустившись утром, я обнаружила Аспена за столом с тарелкой яичницы. Кухня была залита солнечным светом.

– Почему так рано встал? – спросила я, не замедляя шага, хоть и сильно удивилась: часы едва показывали семь утра.

– А ты почему? – парировал он, пытаясь подцепить белок на вилку. Мне показалось, Аспен усиленно избегает моего взгляда и выглядит до странного смущенным.

– Дела, – коротко бросила я. Налила в кружку чай и принялась за завтрак, обжигая пальцы о горячий хлеб. Перед носом тут же появилась вазочка с домашним вареньем миссис Нэтвик.

– Так сытнее, – добавил Аспен.

Я улыбнулась.

– Спасибо. – Мазнув ножом по тосту, я вдруг вспомнила о том, что Ной советовал «быть открытой с людьми». *Открытой* – что это вообще значит? Прочистив горло, я уже хотела сказать, что собираюсь сейчас сходить к родителям и Джорджи, но не успела – телефон Аспена, лежащий на краешке стола рядом с его локтем, завибрировал.

– Опять сестра? – догадалась я. Аспен глянул на меня возмущенно:

– Из-за твоего вопроса я прямо почувствовал себя каким-то ущемленным. – Не найдясь что ответить, я откусила кусочек тоста и сделала глоток подостывшего чая. Набрав сообщение, Аспен пробормотал: – Хочет прийти сегодня поплакаться.

– Хороший план.

– Хочешь присоединиться?

Вот уж вряд ли.

– В другой раз, – я снова неловко улыбнулась. Давать еще одному человеку повод считать, будто мы с Аспеном встречаемся, мне не хотелось. Да еще и проводить время со своим терапевтом вне кабинета тоже лишнее.

Допив остатки чая, я поднялась и поставила тарелку Аспена на свою.

– Ты можешь идти по своим делам, – засуетился он, – я тут все уберу. Только не задерживайся, я не хочу ехать ночью.

Я кивнула и, попрощавшись, перекинула сумку через плечо и затопала к арочному проему.

– Это не будущее.

Я оглянулась, едва не врезавшись плечом в дверной косяк. Аспен вскочил на ноги, его грудь тяжело вздымалась. Вот почему он так рано встал, вот почему избегал моих взглядов – ему требовалось высказаться.

Переступив с ноги на ногу, я обернулась, вздыхая.

Аспен раздраженно покачал головой, заранее решив, что я начну возражать. Я заметила, какие припухшие у него веки, как покраснели глаза.

– Тогда что это было, Аспен? – спросила я как можно мягче, даже не допуская в голос нотки сомнения. Мне не хотелось, чтобы он беспокоился еще сильнее; хотелось развеять его тревоги, но я и сама безостановочно думала о его видениях.

– Это был не сон, – сказал он твердо. – И не видение. Мы были в амбаре, мы забрали веревку, но ничего не изменилось. Я вновь видел все то же самое. Я снова все видел.

– Если это не будущее и не сон, тогда что? – спросила я, по-прежнему контролируя тон. *Пожалуйста, пусть я выгляжу бесстрастно, пусть ни один мускул, ни одно движение не отразит предательского холода, скользнувшего по плечам.*

Аспен не знал, что ответить на мой вопрос, он лишь тихо попросил:

– Кая, просто будь осторожна. Пожалуйста.

Мне бы хотелось пошутить, разрядить обстановку, но я знала, что если попытаюсь, то обязательно сказану какую-нибудь чушь.

– Хорошо, – пообещала я, улынувшись, – конечно. Никто не хочет умирать.

– Да, никто не хочет умирать.

Задержавшись взглядом на его серых недоверчивых глазах, которые сегодня, как никогда, напоминали влажный после дождя асфальт, я неловко помахала рукой и ушла.

Мне стало дурно, и я поспешила поскорее убраться на безопасное расстояние от дома миссис Нэтвик. Снова я сглупила, доверившись, и теперь Аспен не сможет мыслить разумно, теперь он завязнет в своих видениях, в размышлениях на тему снов и будущего. Он почему-то возомнил, будто несет за меня ответственность. Теперь он будет бояться ошибиться, а люди, которые боятся совершить ошибку, всегда ошибаются.

Не хочу, чтобы Аспен чувствовал то же, что и я, когда лгала Джорджи, что смогу ее защитить, *когда лгала себе, что защищу ее.* Уже в первый день похищения я знала, что нас обеих ждет.

Теперь Аспен тоже знает.

Не могу я, *просто не могу* больше лгать и изворачиваться. Мне придется принять свою судьбу без страха, сомнений и обмана, потому что... *потому что мне больше нечего терять.* Ни Аспену, ни, боже помоги мне, миссис Нэтвик я не могла сказать о том, что чувствую. Но у меня не осталось ничего, у меня нет семьи, есть лишь миссия, навязанная Ноем – *спасти Леду Стивенсон*, да маньяк-убийца, которого я хочу отыскать прежде, чем он отыщет меня или еще кого-нибудь убьет.

Мне даже не страшно.

И если бы миссис Нэтвик узнала об этом, или Аспен, или Селена, или даже Дориан...

Я все пыталась избавиться от этих мыслей, но слишком увязла. Подойдя к воротам кладбища, я постояла немного, чтобы дать себе время переключиться. Вспомнила кудрявую голову Джорджи, ее широкую улыбку: «Старший брат Билли влюблен в тебя!»

Ну же, ну же, Кая, приди в себя.

Я переступила с ноги на ногу, опустила взгляд на носки ботинок, скрестила руки, спрятала ладони под мышками.

Нет, лучше пусть знают! – решила я и вошла в ворота кладбища. Пусть мама знает, что я не дам себя в обиду, пусть знает, что происходит.

Мам, ты меня хотела защитить, хотела меня уберечь, и тебе это удалось. Но от правды не сбежать, и я бы все равно рано или поздно обо всем узнала.

Остановившись перед тремя могилами в тени раскидистого дерева, я сцепила пальцы на шее и зажмурилась. Меня бросало то в жар, то в холод, сердце колотилось как сумасшедшее. Мне до смерти хотелось знать, смотрит ли на меня моя семья.

И если да, что они видят? Гордятся мной? Или, может, думают, что я никудышная дочь и сестра?

Глава IV

Веселые выходные Дориана Харрингтона

Суббота встретила Дориана ароматным запахом вафель. Суббота. Вафли. Кэм Скалларк. Просьба Аспена проследить за студенткой с Первого медицинского павильона. Как это сделать? Что сказать? И говорить ли что-либо или просто сделать вид, что они оказались в одно и то же время в одном и том же месте случайно? Дориан понятия не имел, как нужно за кем-то следить.

Раньше Дориан приходил в кафе «Шерри» за порцией кофе без сливок и видел Скалларк, сидящей на своем неизменном месте рядом с окном в обществе ноутбука и учебников. Сегодня он окажется там не случайно и не просто для того, чтобы чего-нибудь выпить. У него есть цель. И не очень продуманный план.

Погода на удивление была хорошая, и Дориан решил, что это знак свыше – все должно пройти хорошо. Спустившись на кухню, он поздоровался с Ноем и подтянул к себе тарелку с вафлями.

– Получилась вкуснятина, – похвастался Ной, пододвигая к Дориану джем, мед и горячий шоколад. – Угощайся.

– Ты как мама.

– Говоришь так, словно тебе не нравится. – Ной выразительно поиграл бровями. – Ну признайся, ты чувствуешь себя лучше.

– Ну да, – с иронией пробормотал Дориан, хотя и впрямь почувствовал в груди нечто приятное. Ной, удовлетворенный ответом, присел в плетеное кресло, подтянул ногу к груди и склонился к столу, где развернул очередной журнал. И что он там находит?

– Кая уехала домой, – зачем-то сказал Дориан, делая глоток кофе и не притрагиваясь к вафлям. Продолжая читать, Ной протянул:

– Теперь ее дом здесь, и она это знает. Она хочет найти ответы и уехала, думая, что найдет их. Как считаешь, кто первый доберется до разгадки – ты или она?

Так как ответа на вопрос не последовало, Ной поднял голову и посмотрел на Дориана невинным взглядом, словно спросил, как погода за окном. Настроение пошло на убыль.

– Я и забыл, – едко сказал Дориан, – что для тебя все происходящее – игра.

Дориану было двадцать восемь лет, но рядом с Ноем он чувствовал, что восемнадцать. Этот человек говорил иногда так, что мурашки бегали по коже; его слова заставляли ощущать себя неопытным младенцем. И сейчас Ной снова ответил таким убийственным взглядом, что Дориан мигом потерял всякое желание спорить.

– Это не игра. Может, ты предпочел бы оказаться в другом месте? – Дориан хотел возразить, но Ной не позволил; его голос смягчился: – Я понимаю, тебе нелегко, ты многое пережил, как и Кая. Я понимаю все это, но мне надоело слушать ваше нытье и видеть, как вы топчетесь на месте и ни черта не делаете, чтобы разобраться со своими делами. Вы с Каей совершенно не слушаете, что я говорю. Она вместо того, чтобы помочь Леде, метается по прошлым, никому не нужным делам, а ты вместо того, чтобы расслабиться и жить, сидишь в раковине, взирая на мир из щелей... – Тут Ной замолчал, пытаясь подобрать нужное слово, а Дориан выразительно поднял брови:

– Ты говоришь это мне? Говоришь, что я сижу и ничего не делаю? И что мне прикажешь делать, когда я умираю? У меня нет времени.

– У тебя достаточно времени, – с жаром заверил Ной, наклоняясь вперед. Между его бровей залегла морщинка. Ведь он пытался втолковать Дориану, что жизнь – самое важное, что вообще у него есть. – У тебя достаточно времени, чтобы присмотреться к окружающему миру,

переключиться на что-то, кроме Дэйзи Келли. Заметить других девушек, например Альму Сивер, как считаешь?

– Это... это подсказка? – сбивчиво пробормотал Дориан, тоже хмурясь. – Она – мой ключ?..

Ной отстранился с выражением лица, будто бы и не рассчитывал на то, что Дориан все поймет, откинулся на спинку кресла и уткнулся взглядом в журнал.

– Может, да, а может, ты просто псих. О, интересная статейка! – он повернул журнал в сторону Дориана, чтобы тот проникся. – Тут опрос, насколько вы сексуальны. Как считаешь?

«Как светофор переключает цвета, так и Ной стремительно меняет темы разговора», – мрачно подумал Дориан и, допив кофе одним глотком, решительно сказал:

– А раз она не имеет отношения к убийствам, я к этой женщине не приближусь ни на шаг!

Ной печальным взглядом посмотрел вслед Дориану: «Как жаль, что мне приходится жить в одном доме с таким придурком». Спустя секунду он совсем погрузился, опустил журнал и устался в одну точку. Разглядывал вафли, но ни одну не хотел попробовать – так далеко увлекли его мысли.

Дориан и Кая так похожи в своем упрямстве... Они должны начать доверять себе. Кая должна перестать винить себя во всех грехах. Она должна отпустить родителей и Джорджи. Она должна найти мужчину, рядом с которым наконец-то сможет почувствовать себя собой, хрупкой и нежной девушкой. Ной размышлял обо всем этом до тех пор, пока по лестнице не спустился Дориан в костюме-тройке с пальто и сумкой в руках.

– На свидание собрался? – тут же приободрился Ной, и Дориана буквально перекосило от вопроса: тут же вспомнилась Альма Сивер.

Сначала, когда она странно повела себя на семинаре, поставив Дориана в тупик, он не придавал этому значения, но после того инцидента в морге понял, что у этой дамочки не все в порядке с головой. В тот день он заработался допоздна, и в морге стояла та самая тишина, которую называют мертвой и потусторонней – все было как обычно, но до тех пор, пока сквозь шелест перелистываемых бланков, которые заполнял Дориан, не стал слышен приглушенный стон, от которого кровь заледенела в жилах. Ноги и руки мгновенно стали ватными, но Дориан обернулся, чтобы посмотреть на свежий труп, привезенный санитарями. И тогда он снова услышал жуткий стон, а затем увидел, как простыня медленно, но верно отделяется от стола вместе с корпусом мертвеца, спрятанного под ней. Дориан чуть не умер от страха, который быстро сменился гневом, когда он увидел, что это вовсе не труп, а вполне себе живая рыжевато-блондинка с сонным взглядом. Заметив Дориана, она только и сказала мрачное: «Ой». Одно дело было видеть ее на кафедре, а другое дело – в морге на прозекторском столе.

Оказалось, что Альма Сивер – любимая ученица доктора Андерсон и пришла она в морг, чтобы «познакомиться» с коллегой (видимо, эпизод в кафе не считался). Дориан не был впечатлен. Он проигнорировал ее и попросил выметаться, после чего забыл о том инциденте, пока не встретился с Альмой на конференции, куда отправился со своим помощником-магистром как представитель факультета биомедицины и патанатомии.

В отеле их поселили в номера, которые находились друг напротив друга, из-за чего Дориану постоянно казалось, что, если он высунется за дверь, Альма будет поджидать его в коридоре с отбойным молотком. Это прозвучало бы странно, но Дориану чудилось, что эта женщина его ненавидит. Странная она дамочка.

Эти соображения пронесли в его голове за пять секунд, пока Ной с терпеливой улыбкой ждал ответа.

– Я на работу. Ни слова, Ной!

– Ладно, ладно. – Ной рассмеялся вслед удаляющейся фигуре, скрывшейся в прихожей. – Ага, как же, на работу он...

Конечно же, Дориан шел не на работу. Он устроился в самом дальнем углу кафе и принялся ждать Скалларк. Когда дверь в очередной раз открылась, он резко поднял к лицу книгу, которая служила ему прикрытием на протяжении целого часа, в течение которого он съел салат, два тоста и пирог. Вошла Скалларк. Она села за свой привычный столик у окна лицом к Дориану и достала из сумки ноутбук. Через мгновение она уже погрузилась в работу и не сразу заметила, когда к ней подсел какой-то парень.

Дориан услышал его голос, полный энтузиазма:

– О, я думал, ты выглядишь иначе! – Скалларк так резко вскинула голову, что Дориан, попытавшись спрятаться, случайно ударил себя книгой по лицу и приглушенно ойкнул. Официантка, проходившая мимо с графином, подозрительно покосилась в его сторону.

– Ты кто? – Скалларк прикрыла крышку ноутбука. – Кайл?

– Да-да, это я, этот кардиган тебе очень идет, я и понятия не имел, что ты так выглядишь. Понимаешь, я решил не смотреть на внешность. Ну, знаешь... это мой эксперимент.

Скалларк скептически изогнула бровь, но снова ничего не произнесла, потому что Кайл продолжал тараторить:

– То есть не эксперимент, боже, конечно же нет! Я не хотел бы думать, что ты мой эксперимент, просто я хочу полюбить душу, а не тело, понимаешь? – Глупое хихиканье. – Ну, ты должна понять, ты ведь умная. – Глупое хихиканье, ярко контрастирующее с серьезным и даже мрачным лицом Скалларк. – Прости. Я смущаюсь, когда говорю с девушками.

Тут лицо Скалларк прояснилось, словно бедняга сказал волшебное слово, которое заставило ее повеселеть. Улыбнувшись, она сказала:

– Ну да. Понимаю.

Дориан видел, как Кайл с явным облегчением вздохнул и уже нормальным голосом поинтересовался:

– Может быть, закажем что-нибудь, и тогда уже...

– Эй, – услышав этот голос, Дориан едва не выпрыгнул из костюма. Он выронил книгу, и та с глухим стуком шлепнулась на столик, да так и осталась лежать в опасной близости от чашки с кофе. Дориан не смел пошевелиться, с благоговейным ужасом вытаращившись на Альму Сивер, у которой на лице было написано мстительное удовлетворение. На ее щеке красовался толстый красный шарф. – Ты меня слышишь? – спросила Альма и тут же недовольно поджала губы. – Или стоит называть тебя профессор Харрингтон? – Она фыркнула, откидывая за спину длинные светло-рыжие волосы, и грациозно опустилась в кресло, загородив обзор на Скалларк.

– Что ты здесь делаешь?.. – с трудом спросил Дориан, у него в горле стоял комок.

– Это же мое любимое кафе, – сказала Альма таким тоном, словно это было очевидно. Он вскинул брови, собираясь ответить, но тут кое-что случилось:

– *Зачем ты притащила меня сюда?*

– *Это же мое любимое кафе, глупышка.*

Дориан вскочил на ноги так резко, что Альма испуганно отшатнулась и уставилась на него как на сумасшедшего. Дориан забыл обо всем – о том, что старается избегать эту женщину, о том, что должен следить за Кэм Скалларк, чтобы вычислить ее преследователя. Внезапно в его голове все перемешалось, он услышал голоса. Голос Альмы Сивер. Свой собственный. Разные вещи. *Другие вещи.*

Дориан не помнил, как добрался до особняка и как набросился на мясную запеканку, приготовленную Ноем. Тот делал вид, что не замечает шока на лице своего названного старшего брата, – молча отмывал противень от теста и мяса. Когда тишина затянулась, Ной все-таки спросил:

– Ну, как прошла твоя смехотворная слежка? – Отодвинув локтем волосы с лица, он обернулся. – Да, у меня есть и другие дела, но я хочу бесить людей, с которыми живу. Это просто любопытство. Просто интересуюсь, как продвигается дело.

Дориан закатил глаза, поднялся со своего места и, поблагодарив за обед, вышел из кухни. Ной стремительно стянул перчатки с рук, бросил их в раковину и направился следом.

– Я встретил Альму Сивер, – гробовым тоном сказал Дориан. Остановившись у лестницы, он поднял голову к потолку и вздохнул. Внезапно его охватили странные, незнакомые чувства. Ной терпеливо ждал, стоя со скрещенными на груди руками. Его фартук перекрутился, и теперь видна была только часть надписи: «Я повар, который...»

– И что ты почувствовал?

Дориан обернулся, собираясь ответить, но тут в дверь постучали, затем раздался возглас:

– Дориан!

В гостиной повисла тишина. Время словно остановилось. Дом притих, затем вновь раздался нетерпеливый стук и голос Альмы Сивер:

– Открывай, я видела твою машину!

Ной приглушенно рассмеялся, а Дориан еле слышно произнес:

– Я просто сделаю вид, что сплю. Или я ушел пешком. Уехал на такси! – нашелся он и даже сделал шаг в сторону лестницы, когда за входной дверью послышалось угрожающее:

– Я вхожу, приятель!

Ной схватил Дориана за запястье, в то время как тот панически завопил:

– Стой, не входи! – И приглушенно зашептал: – Откуда у нее ключи?

– О черт! – Ной прыгнул в гостиную, упал на колени и заполз за диван.

– АЛЬМА! – возмутился Дориан, и тут же нервно рассмеялся, увидев, как Ной выглядывает из-за дивана в своем дурацком фартуке. Когда дверь открылась и в дом вошла Альма, Ной снова спрятался.

Выглядела она безумно. Лицо и даже шея покраснели от гнева. Волосы, стянутые в беспорядочный пучок, растрепались. *И она вломилась в его дом, похожая на факел в своем красном пальто!*

Нужно вызвать полицию, – подумал Дориан, но не сделал и шагу в сторону телефона. В основном потому, что Альма тоже стояла не двигаясь. Но тут, буравя его взглядом, она с яростным стуком захлопнула дверь и скрестила руки на груди.

– Не могу поверить, Дориан, – процедила она. – Ты мог бы сделать что угодно, но притворяться, что не помнишь меня, это уже слишком. Заперся от меня, словно я переносчик инфекции?!

Дориан заметил в ее глазах обиду и вновь вспомнил, что случилось в кафе, однако все мысли пропали, когда женщина, цокая каблучками, спустилась по лесенке в гостиную и направилась к дивану – как раз туда, где прятался Ной. Дориан резко преградил ей дорогу со словами:

– Мне кажется, тебя не приглашали, Сивер.

– Тогда я сама себя приглашаю! – отрезала она, нырнула под руку Дориана и элегантно присела на диван. Позади нее показалась голова Ноя; он послал Дориану страшный взгляд,

жестами приказывая спровадить незваную гостью. Дориан пожал плечами, но тут же спохватился, когда Альма пристально посмотрела на него:

– Что ты пожимаешь плечами?!

Какая же она настырная дамочка, даже без намека на чувство такта, – подумал Дориан, сжав переносицу. Он терпеть не мог сцен.

– Давай поговорим на кухне? Пожалуйста?..

Альма резко вскочила, и голова Ноя тут же скрылась за диваном, но Дориан все равно успел заметить, что тот еле сдерживает смех.

– Да за что ты так со мной?! Что я тебе сделала?! – Она вновь скрестила руки на груди и стала угрожающе наступать на него. Голос звенел, а в рыжеватых волосах, Дориан мог поклясться, стреляло электричество. – Скажи, что именно не так?

Дориан был в недоумении. Что именно не так?

Что именно не так?

Все! Начиная с того дня на семинаре и в кафе, когда она угрожала ему, продолжая сценой в морге, когда притворилась трупом, и заканчивая сегодняшним скандалом в его собственном доме!

Дориан потер лоб, пытаясь успокоиться.

– Альма, послушай...

– Ты прав, я веду себя словно истеричка! – перебила она. – Ты был моим героем, ясно?

– Что? – опешил он, не поверив своим ушам.

– Да, просто сделаем вид, что ничего не было, хорошо? Можешь продолжать делать вид, что не знаешь меня. Все отлично! Лучше не бывает!

Сказав это, Альма направилась к двери, и Дориан, не ведая, что творит, пошел следом, испытывая глубокое чувство вины.

– Дело не в тебе, Альма, – сказал он до того, как она вышла. Ной в этот момент выразительно покрутил пальцем у виска и нырнул за диван за секунду до того, как Альма обернулась.

– Хочешь что-то сказать?

– Я просто... Я не знаю, что с тобой и чем вызвана твоя ненависть, просто... Я не могу быть с тобой... Если ты на это рассчитываешь. – Он говорит это всерьез? *Он серьезно?* – Я не могу быть ни с кем, ясно? Я умираю.

Альма обернулась.

– Ты серьезно? – повторила она его же мысли таким злым, саркастичным тоном, что Дориан передернулся. – Боже, я не собираюсь устраивать сцен и продолжать преследовать тебя. Я... ведь ты меня даже... Забудь. Просто в следующий раз, чтобы отделаться от девушки, не нужно выдумывать ерунду типа этой, ладно?

Она с раздраженным смешком вышла за дверь. Дориан словно окаменел. Доктор Альма Сивер всегда так действовала на него: заставляла либо замереть на месте, либо хватать портфель и документы и прятаться в шкаф в собственном кабинете на четвертом этаже. В общем-то, это унижительно.

– ПО-ТВОЕМУ, ЭТО СМЕШНО?! – рявкнул он на Ноя, когда тот выполз из-за дивана, держась за живот от смеха. Сквозь хихиканье, Ной пробормотал:

– По-моему, да. Давно мне не было так весело. – Он перестал смеяться и невинно осведомился: – А тебе?

– Нет! – крикнул Дориан. Он бешено жестикулировал. – И ты предлагал мне присмотреться к ней?! К этой женщине?! Ты видел, как она себя сейчас вела?! Словно обезумевшая... она же... она чокнутая!

– Может, у вас есть больше общего, чем ты думаешь? – Ной пожал плечами и медленно двинулся на кухню, чтобы продолжить драить противень. Дориан раздраженно пошел следом, испытывая злость еще и от того, что вынужден вымаливать подсказки.

– Ты можешь нормально изъясняться?!

– Могу, – Ной надел перчатки и включил воду, – но не хочу. Я все еще надеюсь, что вы с Каей не настолько глупы. Все, что вам нужно сделать, – это превратиться из ледяного айсберга в ослепляющий, горячий луч света. – Он послал Дориану улыбку. – *Понимание, сопереживание, доверие.*

– Что ты несешь?

– Советую и тебе расслабиться и наконец открыть глаза, чтобы увидеть реальность. – Ной растопырил средний и указательный пальцы и показал ими сперва на свои глаза, затем на глаза Дориана.

– У меня нет времени на это. Я отправляюсь наверх готовиться к лекции на завтра.

– Завтра воскресенье.

– ТОГДА НА ПОСЛЕЗАВТРА!

Дориан раздраженно покинул кухню, оставив Ноя наедине со своими мыслями.

«Кто бы, *кроме меня, конечно,* мог подумать, что профессор Харрингтон боится женщин?»

Глава V

Разоблачение

– Я купил тебе много-много сладостей! – извиняющимся тоном пропел Аспен, появляясь вечером на пороге своей квартиры. Свет в прихожей загорелся и погас, когда он проследовал по коридору в гостиную, где старшая сестра спала на диване, положив под голову локоть.

Аспен поднял брови, глядя на Альму, на то, как она развалилась, будто у себя дома, на тощие лодыжки, торчащие из безобразных спортивных штанов, на всклокоченную рыжую голову.

Поставив на столик у дивана пакет с мороженым и шоколадными конфетами «Сникерс», Аспен взял шерстяное покрывало, лежащее рядом в кресле, и накрыл сестру, на секунду дав слабину: а ведь она сейчас совсем не похожа на демоницу.

Оставив Альму в «спящем режиме», Аспен сунул мороженое в холодильник и поспешил в душ. Двадцать минут спустя, вернувшись в гостиную в ароматном облаке запахов шампуня и мыла, он обнаружил сестру перед телевизором: в руке коробка с мороженым, озлобленный взгляд прожигает в плазме дыру.

Хоть Альма и была одета в домашние штаны, на ней по-прежнему оставалась рабочая рубашка, а деловой пиджак, явно сшитый на заказ, висел на спинке того самого кресла, где полчаса назад аккуратно лежало клетчатое покрывало.

– Ну и почему ты мне не позвонил? – спросила Альма, приглушая звук. На экране телевизора теперь, точно обезьяны, скакали густо накрашенные девицы, беззвучно разевая рот. Аспен с трудом отвел взгляд от экрана и плюхнулся на диван, оттеснив старшую сестру к самому краю.

– Я устал. – Откинувшись назад, Аспен снова зацепился взглядом за яркую картинку в телевизоре и тут же раздраженно взял пульт и щелкнул кнопкой. Когда экран погас, он обратился к Альме без тени улыбки:

– Прекрати напоминать ее. – Она тут же разгладила лоб, постучала пальцами между бровей, как бы убирая хмурую складку.

– Да я просто хотела тебя встретить... – прошептала она, и тут, к досаде Аспена, губы Альмы задрожали, и она, опустив голову на грудь, натянула на самый нос рубашку и заскулила.

Аспен закатил глаза, осторожно забрал из ее руки мороженое и обнял, насильно прижав ее голову к своему плечу.

– Что стряслось?

– Он меня даже не узнал, нет, ты себе это представляешь?..

– Прекрати, – попросил Аспен, погладив сестру по голове. – Ты себя странно ведешь. От этих слез ты станешь уродливой, ты этого хочешь? Чтобы он даже не посмотрел в твою сторону?..

Альма резко отстранилась, пихнув Аспена в плечо.

– Я не уродина.

– То-то и оно, пока что нет. Но если продолжишь в том же духе, то станешь похожа на чудовище. А он, кстати, красавчик? Если да, в таком случае можешь и дальше реветь, ведь из вас получится превосходная пара: Красавчик и Чудовище.

– Что за чушь ты несешь? – воскликнула Альма, расхохотавшись. Во все стороны полетели слюни, и Аспен, заворчав, отпихнул сестру от себя.

– Ты хочешь заразить меня вирусом плаксивости?

– Заткнись и подай мне мороженое.

– За этим я тебе и нужен, а – «подай-принеси»? – буркнул Аспен, но протянул Альме ведерко, и когда повисло короткое молчание, он вдруг вспомнил, как она, в глубоком детстве, защищала его от Патриции, как заявила, что во чтобы то ни стало вытащит его из психушки, как сказала, что «навалает люлей каждому, кто заикнется, будто он сумасшедший».

– Слушай, – Аспен вдруг нарушил молчание и, устроившись поудобнее, повернулся к Альме, глядя на нее во все глаза. – А я и не догадывался, что у тебя есть парень.

Альма шумно втянула носом воздух и медленно отстранилась от него. Из-за слез ее лицо опухло, и казалось, что она смотрит на Аспена, подозрительно прищурившись; губы снова предательски задрожали. Аспену невыносимо было видеть, что Альма, его старшая сестра-боец, ревет из-за какого-то неизвестного ему мужика.

– Дай мне его номер, я с ним разберусь.

Альма хлопнула его по руке:

– Я с ним сама разберусь, уж можешь мне поверить! – Она как-то по-особенному злобно ухмыльнулась, точно злодей из какого-нибудь мультфильма, и Аспен снова едва не закатил глаза. Альма вдруг посерьезнела. – Надеюсь, ты его не знаешь. Не хочу о нем больше думать. Это был секрет. Наш с ним секрет. От Патриции, да и вообще... Я хотела тебя с ним познакомиться, но без спешки... А он все испортил...

Аспен отвернулся и посмотрел в потолок. Сестра явно погрузилась в размышления и не замечала ничего вокруг.

Во-первых, он даже представить себе не мог, кто был таким идиотом, что попал в поле зрения его безумной сестрицы. Во-вторых, этот идиот, видимо, не знает, с кем связался. И в-третьих, и тут Аспен был абсолютно растерян, он понятия не имел, кто же мог понравиться его старшей сестре.

В гостиной повисла тишина. Альма набрала полную грудь воздуха и задержала дыхание. Ее щеки вздулись, нос стал краснее прежнего, а затем из ее горла раздался рев, и она пронзительно выдохнула. Все, понял Аспен, началась вторая стадия ее меланхолии. И точно: через секунду Альма воинственно вскочила и принялась голосить, проклиная бедного парня такими словами, о существовании которых Аспен даже не подозревал.

Глянув украдкой на наручные часы, Аспен успокоился: было еще слишком рано, чтобы соседи вызвали полицию из-за превышения уровня шума или еще какой глупости, но все же ему страшно захотелось как-нибудь успокоить Альму.

– Альма, остановись, пожалуйста... – И тут его взгляд упал на ее ноги. Все в засохшей грязи, будто она ходила по лужам босиком, да еще и комки грязи раскрошились по дивану, а теперь и по ковру – ведь Альма топала как стадо буйволов, выпущенное на свободу.

– Это еще что за?.. Почему ниже пояса ты выглядишь как Шрек?!

– Отвяжись, – напыжилась Альма, недовольная то ли из-за обидного прозвища, то ли из-за того, что ее монолог прервали.

– Нет, не отвяжусь! – Аспен повысил голос, вскакивая. – И кстати, от тебя дурно пахнет. Действительно воняет. – Он демонстративно зажал нос большим и указательным пальцами, а другой рукой сделал знак идти в душ.

– Ты что, упала в сточную канаву?

– В Эттон-Крик всегда ужасная погода, – проворчала Альма. Сбросив с плеч покрывало, точно оперная певица, сбрасывающая на сцене шаль, она недовольно скрестила руки на груди. Аспен закатил глаза и заметил, что покрывало теперь тоже нуждалось в стирке, но об этом говорить Альме он уже не стал – не хотел лишний раз расстраивать. Она всегда была жуткой грязнулей. Оставаясь на ночь в доме бабушки и дедушки, она только за ночь успевала навести такой беспорядок, что создавалось впечатление, будто на дом совершили набег какие-то безумцы.

– ...И я не знаю, какой такой гений додумался рыть вокруг дома окопы... – гневно закончила она.

Ах вот оно что! – понял Аспен.

– Ты рехнулась? Там ведь стоит ограждение и предупреждающий знак! Ты могла запросто свалиться в канаву и свернуть себе шею!

– Только не надо меня учить! – заорала Альма в ответ. – У меня ведь не глаза-фонари!..

Аспен сдался:

– Ладно, просто иди в душ. Иди.

Он подтолкнул ее по направлению к ванной комнате и крикнул вслед:

– Можешь взять мою футболку и штаны!

Когда Альма удалилась, что-то бурча себе под нос про «невыносимых мужланов», Аспен собрал с дивана грязное покрывало и кинул под дверь ванной. Потом пропылесосил в гостиной и только после этого отправился на кухню, прихватив мороженое Альмы, чтобы вернуть в морозилку.

Он как раз заварил чай для себя и какао для Альмы, когда она, шаркая, вышла из ванной комнаты и с надутым видом направилась к Аспену. Его одежда была ей велика, но она и не вздумала закатать рукава и штанины, потому выглядела смешно и по-детски.

Аспен не сдержал усмешку.

– Боже, ребенок! Иди сюда! – Он подвернул сестре штанины, потом рукава на футболке и усадил за стол, откуда она могла теперь комментировать действия Аспена: тот готовил яичницу с беконом. Запах еды был таким восхитительным, что у обоих синхронно заурчало в животах.

Несколько минут спустя Аспен поставил перед Альмой тарелку с ее порцией, а сам принялся есть яичницу прямо со сковороды.

– У тебя что, нет еще одной тарелки? – Альма презрительно скривилась, не донеся вилку с кусочком яичницы до рта. Аспен пожал плечами, ничуть не смутившись:

– У меня не бывает гостей. Скажи спасибо, что я не дал тебе есть лопаткой для готовки. – Он облокотился о плиту и спросил: – И что, это все? В смысле, ты поэтому оторвала меня от дел – из-за него?

– Нет, – отрезала Альма, – все, с ним покончено, обещаю! Он так изменился... да и не узнал меня... и ведет себя так, будто боится...

– Я бы тоже боялся, не будь ты моей сестрой, – меланхолично пробубнил Аспен, за что получил салфеткой в лицо.

– Заткнись, ты должен быть на моей стороне! – воскликнула Альма и тут же погрузилась. Отодвинув от себя тарелку, она протянула: – Ты прав, от меня все еще воняет. Даже есть не могу из-за этого запаха.

Она подтянула к носу футболку и тут же поморщилась. Аспену показалось, что она специально так ведет себя, чтобы снова не расплакаться, но на душе у него стало спокойнее. Осадок от беспокойных видений с похищением Айрленд остался, но Альме удалось отвлечь младшего брата. Альма всегда была такой открытой и непосредственной, что Аспен невольно завидовал ей. Ее искренность подкупала, люди часто были шокированы ее прямоотой и честностью, а потому не могли не сдаться под ее напором.

От подобных размышлений его отвлек звонок в дверь. Аспен удивленно посмотрел на сестру:

– Ты заказала пиццу?

– Нет, – рассеянно отозвалась она и, выбираясь из-за стола, с досадой пробормотала: – Все-таки пойду снова приму душ, пока меня не стошнило. Если это пицца, не позволяй себе сдать под напором и скажи, что это не мы заказывали! – наставительно крикнула она, запираясь в ванной.

Аспен поспешил открыть настойчивому посетителю. Он действительно думал, что принесли пищу, несмотря на то что ни Альма, ни он ее не заказывали, и, распахнув дверь, очень удивился, обнаружив на пороге Дориана Харрингтона.

– О! – Аспен даже не вспоминал в эти дни о друге, все его мысли занимала Кая Айрленд и видение, где ее жестоко пытаются. Дориан, не спрашивая разрешения, шагнул в коридор. Потоптавшись на коврик у входной двери, он стащил ботинки, отправил в шкаф пальто и стряхнул с волос капли дождя. Все это он проделал в полнейшей тишине, несмотря на то что Аспен сразу же накинулся на него с вопросами:

– Ну что, ты следил за Скалларк? Ты узнал что-нибудь?

Дориан откинул со лба волосы и пригвоздил Аспена взглядом. Тот замолчал.

– Что-то случилось?

Уголки губ Дориана нервно дрогнули – не то он хотел улыбнуться, не то скривиться. В недоумении Аспен пошел за ним на кухню.

– Ты скажешь, что случилось, или будешь молча таращиться по сторонам?

– Ты что, ужинал? – удивленно спросил Дориан. Аспен раздраженно скрестил руки.

– Сестра в гостях. Ну так что?

– Да ничего, – отрезал Дориан. – Меня отвлекли кое-какие факторы. И не смотри так, ты и понятия не имеешь... – Дориан вздохнул, попросил кофе, затем спокойнее закончил: – Говоря короче, я не заметил ничего подозрительного, не похоже, что за Скалларк кто-то следит. Кроме меня, – совсем уж раздраженно сказал он. Аспен угрюмо пробормотал, ставя перед ним чашку с кофе:

– Зачем я только попросил тебя об этом, *профессор*.

– Признай, если бы я шел за ней до дома, это было бы как минимум странно. И, пожалуйста, больше не впутывай во все это Каю, у нее и так полно проблем.

– Да, – саркастично кивнул Аспен, – и одна из ее проблем заключается в том, что в вашем доме живет какой-то странный тип.

– Какой тип?

Сделав движение рукой, Аспен пояснил, пристально глядя на Дориана:

– Да какой-то парень в халате шатался по коридору, когда я выходил из дома. – Глаза Дориана полезли из орбит, и Аспен почуял неладное. – Светлые глаза, безумный взгляд... Ты что, не знаешь, кто это такой?

– Нет-нет, – поспешно воскликнул Дориан, теперь глядя на Аспена не просто удивленно, а как будто оценивая по-новому. Казалось, ему в голову пришла какая-то безумная идея – даже брови на лоб полезли, но он встряхнул головой, как бы прогоняя надоедливые мысли, и сказал: – Да-а, это... мой... старый знакомый из больницы.

Под пристальным взглядом Аспена Дориан поднес чашку ко рту и залпом выпил кофе. Аспен был готов поклясться, что напиток был горячим, как лава, но Дориан даже не поморщился.

– Будь осторожнее с Каей, – наконец произнес он невпопад, и Аспен вздрогнул. Он как раз думал о том, как бы Дориан отнесся к последнему видению. Сидел бы сейчас в его обществе на кухне, пил бы кофе? Или с ненавистью накинулся на друга? Но он пока решил не посвящать Дориана во все подробности и как можно более легкомысленным тоном произнес:

– Тебе бы довериться ей, она ведь не обычная девчонка. – *Мертвая девчонка*. – Почему-то Аспен не мог избавиться от ее образа, где она освежеванной тушей свисает с крюка, роняя на пол драгоценные капли крови. А вдруг именно его тупое упрямство спровоцирует нападение убийцы? Вдруг из-за его настойчивости Каю заметят и похитят?

– Поверь мне, я знаю, кто она, – сказал Дориан, и что-то в его надломившемся голосе, в угрюмой покорности заставило Аспена насторожиться. Дориан словно молча говорил: в отличие от тебя я знаю, кто она.

Но все это не имело значения, Аспен знал, что Дориан не поймет. Никому не понять, каково это – видеть происходящее глазами преступника, чувствовать, как кровь жертв застывает на пальцах, как мелкие алые брызги долетают до лица. Дориан не знает, в каком положении Аспен находится, он просто пытается защитить свою племянницу.

Из задумчивости парней вывел самодовольный голос Альмы:

– Ха, от меня больше не вон... – она остановилась на полуслове и с открытым ртом уставилась на Дориана. Аспен изумился выражению ее лица. Он посмотрел на Дориана, потом опять на Альму, потом опять на Дориана.

Глаза Альмы округлились, у Дориана отвисла челюсть от изумления. На его скулах, покрытых легкой щетиной, появился отчетливый румянец, задержался кадык, будто он готов был заорать.

Аспен прижал пальцы к переносице, скрипнув зубами. О черт... Так это она – *та мисс Ищейка*, как ласково называл ее Дориан?

По лицу Альмы мелькнула тень, и Аспен испугался, потому что иногда сестра *действительно* напоминала Патрицию – сейчас, например. Ему внезапно вспомнилось лицо престарелой соседки с этажа, которая милейшим голосом, которым она, Аспен был уверен, могла запросто проклясть кого-нибудь, заявила: «Если еще раз я услышу из твоей квартиры вопли – не посмотрю на твою невинную мордашку, милый».

Несколько секунд на кухне была мертвая тишина, потом Альма рыкнула:

– Какого черта ты здесь забыл?!

Дориан так резко подскочил, что Аспен, испуганно вздрогнув, ретировался к окну. Он снова вспомнил о полиции и угрозах соседей, а ведь он всего трижды за все время проживания здесь терял над собой контроль и начинал кричать.

– Что ты... ты что здесь делаешь, Сивер? – Хотя Альма внешне и выглядела комично, перекошенное выражение лица не вызвало желания даже улыбнуться. У Аспена защемило в груди, когда зеленые глаза сестры наполнились слезами обиды и злости.

Дориан, застыв в странной позе, будто вот-вот был готов сорваться на бег, потихоньку приходил в себя. Он быстро осмотрел Альму с ног до головы и пробормотал:

– Что с твоими волосами?

– ЗАТКНИСЬ! – вдруг заорала Альма, и у Аспена пошли мурашки по плечам, когда она обследовала злым взглядом кухню в поисках опасных предметов, которые можно было бы запустить в Дориана. Через мгновение она уже решительно направилась к полке со столовыми приборами. Глаза Дориана стали еще больше – он обо всем догадался; обойдя стол, он остановился на приличном расстоянии от Альмы и что-то произнес. Аспен поворачивал голову от одного к другому, пытаясь разобраться в ситуации. «Он меня не узнает», – все повторяла Альма, и внезапно Аспен все разом понял. Вот оно, буквально возликовал он. Что-то случилось за те четыре года, пока он сидел в психушке, что-то, о чем Дориан предпочел забыть, а Альма не хотела. И тут Аспен остро ощутил необходимость присесть, опуститься на корточки, глотнуть воздуха. Он, как будто это случилось только вчера, вспомнил тот ужасно далекий день, день из прошлой жизни, когда только-только вышел из лечебницы и отправился в университет в поисках Дориана. Тогда тот сказал ему, что у него есть подружка, и как-то странно ухмылялся, мол, ты ее знаешь, друг. Точно-точно... Аспен стал припоминать подробности, которые раньше не имели для него никакого значения: то, как Дориан улыбался, предлагая Аспену и сестру позвать на ужин.

«Он меня не узнаёт», – вот чем все это закончилось.

– Ах ты извращенец! – вопль Альмы вырвал Аспена из задумчивости, и он успел заметить, как сестра запальчиво выхватила из сковороды лопаточку и сделала несколько угрожающих шагов в сторону Дориана. Тот бочком двинулся вдоль стола, на лице было неподдельное недоумение:

– Я?! Это же ты пыталась забраться ко мне в номер и проникла в мой дом!

«Чего?» – такого Аспен не ожидал услышать на своей кухне, да еще и в адрес старшей сестры.

– ...И лицемерно! – закончил Дориан с несвойственной для него страстностью. Аспен выпрямился, собираясь вставить словечко, но Альма завопила:

– Я лицемерка?! – Из ее глаз брызнули слезы, голос надломился: – А ты – тупица с провалами в памяти!

Аспен шагнул к Альме, чтобы как-нибудь успокоить ее, но опоздал – она буквально вихрем вылетела в коридор, затем захлопнулась дверь в ванную комнату, и повисла тишина.

– Ну и что здесь произошло? – спустя несколько секунд сухо осведомился Аспен, испытывая очень неприятное ощущение. Он еще никогда не стоял напротив Дориана с таким выражением лица, а теперь, казалось, друзья очутились по разные стороны баррикад. Дориан пребывал в шоке и не сразу собрался с мыслями. Аспен даже почувствовал слабое облегчение, видя искреннее недоумение друга. Он бы не вынес, если бы Дориан стал оправдываться или вешать ему лапшу на уши.

Проведя языком по внутренней стороне верхней губы, Дориан наконец сказал:

– Она твоя сестра, да?

– Ты невероятно проницателен.

Дориан с отсутствующим выражением несколько секунд смотрел в пол, затем, сделав для себя какой-то вывод, решительно вышел в коридор. Аспен растерялся от неожиданности, но затем поспешил следом и увидел, как Дориан спешно обувается и достает из шкафа пальто.

– Альма твоя сестра, – повторил он. Аспену было некомфортно от того, как резко контрастировал его тон с бесстрастным выражением лица. Глаза скрывали то, что чувствовал хозяин, но голосу это было не под силу.

И вдруг Аспен ощутил сосущее чувство страха. Он не хотел потерять Дориана, тот был его единственным другом на протяжении многих лет.

– Слушай...

Но Дориан уже отпер входную дверь и вышел в коридор. Поспешно прыгнув следом, Аспен успел задержать его на полпути к лифту.

– Стой, стой... не надо так... – он не знал, что должен сказать, да и не был уверен, что у него имеются необходимые слова. Дориан молча смотрел, даже не предпринимая попыток помочь. Наконец Аспен голосом, который мало походил на его собственный, произнес: – Я не буду просить тебя быть с Альмой милым, просто будь мягче. Да, она буйная и слишком энергичная, она всегда была такой... Но она очень ранимая... – Аспен почувствовал, что под холодным взглядом Дориана у него начинает жечь где-то между лопаток. – Скажи ей... скажи ей, что она тебя не привлекает, только мягче, я не хочу, чтобы она страдала...

Аспен хотел бы сквозь землю провалиться, а вот Дориан, казалось, вообще ничего не ощущал, отключив все свои чувства будто по щелчку пальцев. Он ответил:

– Дело не в ней.

Аспен едва не застонал, еще сильнее краснея:

– О черт, я знаю, что ты хочешь сказать...

– Нет, не знаешь, – спокойно сказал Дориан. Он помолчал, о чем-то размышляя, затем накинул пальто. Казалось, это было своеобразной точкой в беседе. – Ты не знаешь, о чем я говорю. Дело не в Альме, вовсе нет. Я не стану сейчас связывать себя отношениями, потому что ни к чему хорошему это не приведет. – Помолчав, он добавил, будто сказанного было мало: – Тем более в будущем, когда меня не станет.

Его жесткий тон и бесстрастный взгляд будто пригвоздили Аспена к полу. Он очнулся только тогда, когда Дориан уже стоял у лифтов и нажимал на кнопку. Аспен поверить не мог, что этот день, вполне себе обычный день без каких-либо неприятностей, заканчивается на

такой ужасной, отвратительной ноте. Он не хотел верить в услышанное, но должен был выяснить, что подразумевал Дориан под словами «когда меня не станет».

– Что это значит – тебя не станет? – Аспен преградил Дориану путь, и тот с трудом сфокусировал на нем взгляд. Казалось, Дориан уже был далеко отсюда. Он снова нажал на кнопку вызова лифта, посмотрел по сторонам. Аспен повторил вопрос, и его голос был голосом человека, пробежавшего стометровку; по вискам поползли мурашки от неприятного ощущения сюрреальности, будто вместо того, чтобы два часа назад перешагнуть порог собственной квартиры, его забросило куда-то в параллельную вселенную.

– Ты же все понял, Аспен, – равнодушно сказал Дориан. – Я скоро умру. Я не знал, как сказать тебе об этом, да и стоило ли.

– Стоило ли?! – перебил Аспен так громко, что Дориан поморщился.

– В любом случае, – продолжил он, – отношения лишь все усложнят. Думаю, теперь ты понимаешь.

У Аспена отнялся язык, он ушам своим не верил. Хотелось тупо переспросить «что ты сказал», только бы услышать другой ответ, другое объяснение. Но Дориан видел Аспена насквозь, и его взгляд смягчился, в нем отразилось все то родное и привычное – сожаление, досада, смирение.

– В общем, это не из-за Альмы, просто так будет лучше.

Это же какая-то чушь, полный бред, – хотел возразить Аспен, одновременно вспоминая о своих просьбах следить за Скалларк и сопротивляясь боли от чувства стыда, вонзившегося в него зазубренным ножом.

Дориан вошел в лифт, но, прежде чем двери закрылись, Аспен спросил:

– Кто-то еще об этом знает?

«Кая знает?» – спрашивали его серые глаза, которые еще сильнее покраснели и, казалось, блестели в тусклом свете ламп.

Дориан покачал головой:

– Нет, только ты, – а затем двери лифта закрылись, а Аспен так и стоял целую вечность в коридоре, чувствуя себя полным дураком.

Глава VI

Причина и следствие

– Что ты делаешь? – полюбопытствовал Ной, склоняясь над моим плечом. Я захлопнула ежедневник и обернулась.

– Чего тебе? – Надеюсь, он ничего не видел.

– Интересно, что ты пишешь, – пожал плечами Ной, но к своему пудингу не вернулся. Он удерживал крохотное блюдо на ладони, смакуя ложку за ложкой, и прохаживался по кухне. – Если ты боялась, что я могу прочесть написанное, почему сидишь на кухне, провоцируя меня, а не в своей комнате?

Я оценила Ноя взглядом. Подозреваю, он уже знает о том, что у меня в записной книжке, просто хочет, чтобы я заговорила первой. Не смущаясь от пристального внимания к собственной персоне, он уселся за стол и привычно подтянул ногу к груди.

– Я была голодна, – наконец сказала я, больше ничего не придумав. Почему-то не хотелось идти у него на поводу и сдаваться. Ной как-то странно улыбнулся, явно подумав о чем-то нехорошем, и спросил:

– Не боишься потолстеть?

Потолстеть?

– Я калории вмиг сгоню, спасибо за беспокойство.

Согласившись со мной, Ной убрал волосы с глаз и еще ближе пододвинул блюдо с пудингом.

– Так что ты пишешь?

– Это личное, если ты понимаешь, что это такое.

– Очень понимаю.

Я прищурилась, не в силах разгадать его. Пристально наблюдая за каждым его движением, я спросила:

– А ты что, не знаешь, о чем я пишу?

Он посмотрел на меня как на недалекого человека, рассудительным голосом заметив:

– Стал бы я спрашивать, зная ответ?

Полная сомнений, я провела ладонью по обложке и медленно сказала:

– Я составляю список желаний.

– Список желаний? – Ной искренне удивился, подняв брови. «Брови у него красивые», – мелькнула мысль.

– Да, список желаний, – подтвердила я, уже жалея, что сдалась и ответила на его вопрос. С нарастающим сердцебиением я ждала дальнейших комментариев и уже мысленно готовилась к словесной перепалке, но Ной отодвинул от себя тарелку, провел ладонями по футболке от груди к животу и с энтузиазмом протянул руку:

– Можно взглянуть?

Мое сердце сделало кувырок в груди и на мгновение перестало биться. Я знала, что Ной мог схватить блокнот со стола, но он не сделал этого. Затяжная секунда моей нерешительности оборвалась, как обрывается натянутая струна, и я, подчиняясь неведомому чувству, тревожно загнувшему в венах, вручила ему блокнот.

В следующую минуту меня занимало вовсе не выражение лица Ноя: высокомерный изгиб губ, пронизательные глаза, вопрос во взгляде. Только краешком сознания я понимала, что он заглядывает в сокровенные уголки моей души. Я вдруг почувствовала что-то странное и незнакомое, какое-то волнение, беспокойство иного рода.

Я продолжала гипнотически смотреть на Ноя, пристально изучать его: губы едва шевелились, беззвучно читая написанное, голубые глаза скользили по строчкам. И на меня снизошло озарение: Ной Харрингтон, мой ненормальный, странный сосед по дому, – первый парень, который меня по-настоящему заинтересовал.

От этой мысли я буквально взлетела со стула. Ной вздрогнул и отшатнулся, затем невозможно глянул на меня:

– Что такое, в чем дело?

– Мне нужно написать реферат по ВПТ. И историю болезни.

– Стой, – поспешность, с которой Ной поднялся на ноги, почему-то испугала меня. *Уж сейчас он все скажет, все разложит по полочкам и начнет копать, копать, копать в моих мыслях...* – Ты была голодна...

Но я не позволила ему закончить; выдернув из его руки блокнот, я поспешила покинуть кухню и едва не споткнулась о коварные ступени, ведущие на второй этаж. Но даже это не заставило меня отвлечься от размышлений. Я сошла с ума? Я не должна замечать Ноя, не в том смысле. *Но мы же не родственники.* Нет. Я другая. У меня планы. У меня... всякие дела. *Но ведь он...* Нет. *Но ведь Ной и я никак не связаны. И он обо мне заботится...*

Полная сумятица в мыслях была вплоть до самой ночи. Лежа в постели и глядя в потолок, я пыталась избавиться от навязчивых идей, которые чем сильнее я гнала их, тем отчаяннее давили.

Мое сознание было наполнено смутными образами, картинки сменялись одна за другой: мама, Джорджи, пожар, отец нажимает мне на спину ладонью, заставляя все ниже опускаться над полом во время отжиманий. И тут я подчиняюсь и проваливаюсь сквозь дощатый пол, оказываюсь в клетке Стивена Роджерса и смотрю на ржавые прутья, кричу, отскакиваю назад и падаю на спину на кровать. И все заново – я вновь в клетке, затем вздрагиваю на постели, открываю глаза и повсюду вижу Ноя Харрингтона.

После его появления меня словно с головы до пят накрыло липкой массой, я не могла сдвинуться с места, а может, и не хотела. Внезапно стало спокойно, дыхание застыло в легких и вырвалось из горла нехотя, медленно. Казалось, Ной накрыл мои глаза ладонью, запел на ухо колыбельную, уснул.

Когда я проснулась, то к своему удивлению обнаружила себя в своей постели в футболке и шортах, хотя точно помнила, что в один двадцать два ночи сидела за столом и работала над рефератом. Я спустила ноги на пол, коснулась пушистого ковра и вздрогнула.

В комнате было прохладно, но по моему телу разлился жар, потому что я знала, как оказалась в постели. Не раз и даже не два Ной среди ночи входил в мою спальню, обнаруживал меня в отключке за столом и укладывал спать. Я просила не делать этого, не шататься по моей комнате без спроса, на что он безапелляционным тоном заявлял: «Знаешь ведь, что спать за столом вредно для позвоночника, да еще и со светом...»

Меня всегда сердило такое беспардонное нарушение личных границ, но в этот раз я ощутила что-то еще, кроме раздражения. Осмотрев комнату, я оценила ее с точки зрения постороннего человека: идеальная чистота, минимум личных вещей, лишь на столе из светлого дерева пухлый кактус по имени Бен и фотография в серебристой рамке, где изображены я, Джорджи и мама с папой. На этой фотографии я улыбаюсь так сильно, что на щеках видны ямочки.

Внезапно я подумала о том, что Ной знал, как выглядит моя комната, даже знал цвет моего покрывала. Это тоже что-то значит. Решив спросить об этом при удобном случае, я умылась и, одевшись, спустилась к завтраку.

Ной стоял на привычном месте – у стола, что-то готовя из теста. Я уставилась на его спину в черной футболке, подчеркивающей талию. Светлые волосы на затылке уже были вымазаны чем-то темно-красным, но я почему-то даже никак не прокомментировала это, продол-

жая молча наблюдать. В голову вдруг полезли всякие глупости, в том числе и о том, что он входил в мою комнату, вытаскивал меня из-за стола и укладывал на кровать.

Прочь, прочь, прочь... – я тряхнула головой, едва удержавшись от того, чтобы не стукнуть себя по лбу ладонью в попытке прогнать мысли. Нужно вести себя как обычно, будто ничего не происходит, решила я, но тут же снова поразила такой формулировке. *Ведь на самом-то деле ничего и не происходит...*

И вдруг Ной обернулся и, громко ойкнув, опрокинул на себя стакан с мукой. Я вздрогнула.

– Напугала!

Я достала из подставки салфетку и, мрачно глядя в сторону Ноя, вытерла левую щеку, на которую осела мучная пыль.

– Ты что, не знал, что я стою сзади?

– У меня, по-твоему, глаза на затылке? – Ной критически оглядел свою футболку, присыпанную мукой, раздраженно смахнул белые пятна, затем сосредоточил взгляд на мне: – Что будешь на завтрак?

Когда мы перестали пялиться друг на друга, я снова вспомнила о тех глупостях, которые крутились в моей голове с самого пробуждения, и почувствовала, что вот-вот начну смущаться. Я представила, что придется торчать на кухне в обществе Ноя еще и во время завтрака, и вздрогнула.

– Вот! – нашла я и выхватила наливное красное яблоко из плетеной корзинки посреди обеденного стола. – Спасибо.

– Спасибо за что? – удивился Ной.

Я закинула яблоко в сумку, лихорадочно соображая.

– Спасибо за то, что зашел в мою комнату без спроса.

– А ты закрывай дверь чаще, – парировал он, нахмурившись, затем, наклонившись ко мне, достал из подставки салфетку и стряхнул с моего плеча белую пыль, которую я не заметила.

– Ты же знаешь, что я не могу, – пробормотала я, ощущая жар от того, что Ной снова заставил меня признаться в этом вслух.

– Может, пришло время побороть страхи? – спросил он с холодком.

– Сделай вид, что не замечаешь этого, – посоветовала я более резким тоном, чем следовало. И только через секунду почувствовала, что мне так же неприятно от собственной резкости, как, наверное, ему. Смущенно прочистив горло, я более мягко закончила: – Все равно спасибо... э-э... за яблоко. Пока, до встречи, я буду поздно.

И, не дожидаясь реакции Ноя, я быстро, почти бегом, вышла в коридор.

– Кая! Мисс Айрленд!

Поднимаясь по лестнице Первого медицинского павильона, я обернулась на ходу, когда меня окликнул Аспен.

– Мне некогда! – громко сказала я и помахала ему мобильным телефоном, чтобы он прислал сообщение. Прежде чем скрыться, я еще раз глянула на Аспена и увидела, как он с маниакальной скоростью набирает на своем мобильном сообщении. Удивленная и встревоженная его поведением, я взлетела на второй этаж павильона мимо картотечных шкафов, ворвалась в аудиторию и только тогда резко затормозила – за кафедрой стояла седовласая, сутулящаяся женщина, которая взглянула на меня из-за старомодных круглых очков с толстыми стеклами.

– *Прошу прощения*, – шепнула я одними губами.

Что происходит, я опоздала?

Смущенно вернувшись в коридор, я глянула на часы – восемь утра, – потом вспомнила про Аспена и достала телефон. Первым в списке было непрочитанное сообщение от старосты группы: «Лекция по биохимии перенесена на 14:40».

– Черт.

Опустошенная сменой плана, я осмотрела пустой коридор с сияющими полами и высокими окнами, через которые на меня в ответ хмуро поглядел лес, и поплелась назад к машине.

Выйдя из Первого медицинского павильона, я едва не сшибла с ног Аспена.

– Ты еще здесь? – удивилась я, когда он придержал меня за плечо.

– Тебя здесь быть не должно, – сказал он с какой-то неприятной строгостью в голосе, явно рассердившись на меня за что-то. – София говорит, что занятия у вас начинаются после обеда.

– Какая София? – спросила я, спускаясь по ступеням на площадь.

– Ты серьезно не знаешь свою группу?

– Знаю, но Софию не знаю.

Аспен закатил глаза, и я снова ощутила что-то неприятное.

– Стой, – остановила я его за локоть. Аспен повернулся ко мне, по взгляду было понятно, что он где-то далеко. – Что происходит?

– А что?..

– Ты ждал меня у павильона, затем настаиваешь, что меня здесь быть не должно, – пояснила я, твердо глядя ему в глаза. – Еще и про Софию тут мне что-то наплел. А теперь вот трешь шею, как делаешь всегда, когда начинаешь нервничать.

Аспен и вправду накрыл было ладонью татуировку на шее, но тут же опустил руку.

– Слушай, это... Альма! – вдруг так громко воскликнул он, что я испугалась и обернулась, ожидая нападения. К нам решительно приближалась доктор Сивер. Что именно напугало в ее появлении Аспена, я не поняла: женщина сияла улыбкой, красное пальто подчеркивало алую помаду на губах. Под мышкой доктора Сивер была зажата свеженькая газета, которая, судя по всему, и напугала Аспена. Он прыгнул вперед и попытался отнять ее, но Альма шлепнула его газетой по задку и сказала:

– Так, а ну отставить!

Аспен что-то раздосадованно пробормотал и неодобрительно нахмурился.

– У тебя не слишком яркий макияж для рабочего дня?

– Не твоё дело. – Тут она резко обернулась ко мне и протянула руку для рукопожатия: – Доброе утро, Кая.

– У нее рука больная, – вставил Аспен, и Альма, спохватившись, мягко похлопала меня по предплечью.

– Доброе утро, доктор Сивер, – кивнула я. На своих высоченных каблуках она была ростом с меня, хотя вообще-то она довольно миниатюрная женщина. *И капризная*. А еще – она за мной следит, да к тому же сестра моего друга. Отлично. Я не могла понять, почему она так странно на меня смотрит, как будто чего-то ждет.

– За прошедшее время я о тебе многое услышала, Кая, – сказала она с улыбкой, словно я не пережила в ее кабинете самые страшные моменты своей жизни, словно она не пыталась меня часами, чтобы вывернуть наизнанку.

Кашлянув, я сунула руки в карманы и непонимающе покосилась на Аспена. Думаю, на моем лице было написано такое же сомнение, как и на его. Альма рассмеялась и помахала перед нашими носами газетой:

– Точнее даже сказать, я многое *прочла* о тебе.

Прежде чем я успела среагировать, хотя бы удивиться услышанному, Аспен уже вырвал газету из руки доктора Сивер и со злобным выражением развернул ее. Я подошла ближе и, выглянув из-за его плеча, прочла:

– «Девушка-загадка, появившаяся в Эттон-Крик, – кто она?»

Мы с Аспеном уставились друг на друга, затем я посмотрела на доктора Сивер:

– Что это?

Наша небольшая группа отошла к велосипедной дорожке в тень деревьев, чтобы не мешать проходящим мимо студентам. Какой-то парень со свирепым лицом промчался на велосипеде, из его рюкзака я заметила такую же газету.

– Увлекательная статья, – доктор Сивер расплылась в улыбке. Ее глаза сияли смехом, что меня не разозлило, а, наоборот, успокоило: зарождающийся было гнев вдруг поутих.

– Погоди-ка, тут и фотка твоя есть, – упавшим голосом произнес Аспен, рывком переверачивая страницу за страницей. На фотографии действительно была изображена я, в кожаной куртке с меховыми вставками, в шапке и в узких штанах, заправленных в ботинки. Это как раз в тот день, когда я стояла на платформе, поджидая миссис Нэтвик.

– Это Кира, – объяснила я, вновь ощущая парализующую ярость. Вспомнила удивление, которое ощутила, когда увидела Киру, вспомнила испытанное к ней чувство жалости. Выражение ее лица в тот день впервые заставило меня задуматься о том, кто она на самом деле.

Перед глазами калейдоскопом понеслись картинки: как Кира ударила меня в туалете в прошлом месяце, как вела себя со мной, когда у Леды случился приступ на ступенях Главного корпуса, вспомнила ее яростный взгляд, сверливший мой затылок на занятиях, вспомнила слова Скалларк о том, что Кира – любительница писать статьи для «местной газетенки», несмотря на то что изучает биохимию.

Я ткнула пальцем в страницу:

– Это было в тот день, когда я только поехала домой. – Я посмотрела на Аспена: – Ты думаешь, она специально следила за мной, чтобы написать эту статью? Нет, – тут же сказала я, не дожидаясь ответа, – не имеет значения. Мне пора домой. То есть... у меня занятия во второй половине дня, так что я собираюсь вернуться домой.

Я кивнула Аспену, кажется, даже помахала ему, попрощалась с доктором Сивер и быстро, почти бегом, зашагала прочь, к парковке, в безопасность. Лишь из любопытства, прежде чем выехать за ворота университета, я купила газету в киоске.

Когда я вошла в дом, Ной тут же появился на пороге:

– Я так и знал, что ты что-то забудешь, так ты неслась! – упрекнул он, но тут же изменился в лице: – Что с тобой?

– Где? – невпопад спросила я, проскользнув мимо всевидящего ока Ноя на лестницу, но он бережно взял меня за руку, заставив остановиться. Я медленно обернулась, поглядев на него снизу вверх, и он поспешно сказал:

– Ты облизываешь губы. Ты нервничаешь. – Он поднялся на ступеньку. – Что случилось?

Я на мгновение опешила: *Ной думает, что я вот так просто все ему расскажу, словно мы стали лучшими друзьями?* У меня запершило в горле. Ненавязчиво высвободив из руки Ноя запястье, я мягко, но сурово произнесла:

– Я иду в свою комнату. Мне не до этого. Правда.

С сомнением во взгляде он отпустил меня.

– Кая, я всегда здесь, если тебе вдруг что-нибудь понадобится.

Кажется, я кивнула, а может быть, даже улыбнулась. Войдя в комнату, я впервые заперла за собой дверь. Закрыла замок, и этот щелчок отозвался в груди болью, в висках застучало. Кажется, со времени пребывания в клетке я никогда не запирала двери.

Как дикий зверь, я бродила туда-сюда от одной стены к другой и поглядывала на газету, манившую открытой страницей. Я подняла ее с пола, швырнула на кровать. Забравшись следом, подтянула ноги к груди и впиалась взглядом в статью Киры Джеймис-Ллойд.

Я снова вспомнила выражение ее лица там, на остановке; затем лицо Ноя, когда нагрубила ему просто так, ни за что. Почувствовала себя хуже некуда, даже в глазах защипало. Сдавив переносицу, я приказала себе сосредоточиться и начала читать:

«Кая Айрленд родилась двадцать девятого сентября тысяча девятьсот девяносто шестого года и с тех пор росла нервной, угрюмой девочкой, которую ничто не интересовало.

– Нервной? Угрюмой?

Каким был ее путь и что именно повлияло на ее желание поступить в один из старейших университетов страны на факультет медицины? Эта статья поднимет и другие важные вопросы.

История трагична.

Причиной такого выбора послужила сестра мисс Каи Айрленд – восьмилетняя Джорджи, погибшая четыре года назад от рук жестокого убийцы и насильника Стивена Роджерса.

После смерти младшей сестры, которая была ее единственным другом, Кая Айрленд совсем утратила рассудок. Она некоторое время вела развязный образ жизни и совершенно отбилась от рук.

Тем не менее чудовищными усилиями родителей Кае удалось поступить в один из престижных медицинских университетов в Европе.

Что именно заставило ее бросить Хейденский университет и перевестись в Первый медицинский павильон?

Какие еще нас ожидают тайны, связанные с загадочной Каей Айрленд?»

Перевернув страницу, я продолжила цепляться за омерзительные слова, которые Кира швырнула мне в лицо. Время, казалось, текло сквозь меня, мне стало жарко.

Я тупо смотрела на подпись автора статьи «К. Дж.-Л.» и не могла вздохнуть. Ниже была сводка: если статью в следующий раз не допустят до печати из-за цензуры или если изымут тираж из продажи, читателям следует зайти на личный сайт автора.

Я прикрыла веки, надавив ладонями на место между ребрами. В моей груди начала работать котельная, и Кира Джеймис-Ллойд, не щадя угля, щедро подкидывала его в печь, заставляя сердце колотиться как бешеное. Мои руки затряслись, на лбу выступил пот.

Я в ярости разорвала газету пополам. Затем еще и еще, не обращая внимания на жжение в правой руке. Единственное, что меня занимало, – с каким чувством Кира это написала. Что именно ею руководило? Желание достать меня, желание увидеть, что и меня можно чем-нибудь задеть?

В моей голове была полная сумятица.

Не нужно было, не нужно было трогать маму, папу, Джорджи, они же... они все уже мертвы. Они просто умерли, они ни при чем...

Зажмурившись и прижав ладони к глазам, я тяжело дышала сквозь слезы. *Не верь этим словам, Кая, они же ничего не значат.*

Они. Ничего. Не значат.

Я резко смахнула рукой газетные обрывки, и они упали на пол. Ругаясь в голос, я с остервенением стала топтать их и сминать ногами. Кира ничего, абсолютно ничего не знает ни обо мне, ни тем более о моих родителях.

– Черт, черт, черт... – Мое сердце с глухим стуком билось о ребра, выглядывало сквозь ржавые прутья наружу, хотело вырваться. Я готова была закричать, как дикий зверь, попавший в ловушку. Да как она... да как она посмела! Неужели это то, что заслужили мои родители? Чтобы какая-то никчемная девчонка, которая ни на что не способна, кроме как портить мне жизнь, оскверняла память о них?!

Щеки жгло от слез, а дыхание застряло в горле. Я ощутила, как скручиваются пальцы, как легкие пытаются освободиться от воздуха, но не могут. Секунду спустя меня уже настигла запертая дверь комнаты. Как в фильме ужасов, она стремительно стала приближаться, накинута на меня, ударила в плечи. Стены тоже стали двигаться, они стягивались, сужались, уменьшались в размерах. Медленно-медленно, как в самом страшном ночном кошмаре.

Я упала на пол, ноги и руки стали ватными, словно чужими – мозг, казалось, напрочь отключил все двигательные функции. Я даже не почувствовала боли от удара, только таращи-лась в потолок. В это время пол, потолок и стены смыкались вокруг моего тела, и я становилась все меньше и меньше, поглощала их, дышала ими.

Казалось, целая вечность прошла с тех пор, как я слышала голос Ноя, но вот он опять обрушился на меня откуда-то сверху, сквозь толщу ледяной воды:

– *Что случилось?* – Его руки скользнули под мои колени и плечи, затем я почувствовала, как спина касается кровати, голова тонет в подушке.

– Все нормально, Ной, я просто... – я не смогла договорить это «просто» – не нашлось того самого слова, которое описало бы боль, разочарование и дикий гнев, все еще струящиеся по венам вместо крови.

– Ты всегда говоришь, что все нормально, а потом – *просто*, – сказал он, и в его голосе послышалась снисходительная усмешка. Завернув меня в кокон из покрывала, Ной сел рядом и крепко сжал мои пальцы в ладони. Хватка у него была что надо, у меня даже кости заболели.

– А что ты хочешь, чтобы я сказала? – спросила я, попытавшись привстать, однако Ной мягко, но очень настойчиво опустил меня за плечи на подушку. По моей спине тут же пошел холодок, у меня вновь возникло стойкое ощущение, что я в ловушке, связана по рукам и ногам, не могу сдвинуться с места – Ной Харрингтон не позволяет.

Тогда я заставила себя сдаться, расслабила плечи, а Ной отпустил меня и выпрямился. Он смотрел куда-то в сторону поверх моей головы, да так пристально, будто читал какой-то текст, вышитый на моей подушке. Я с трудом сдержалась, чтобы не повернуться и не взглянуть на нее, вдруг и вправду там есть подсказка, что со мной творится.

– Я просто устала, – оборвала я его тяжелые размышления. Мой голос был каким-то механическим, и вдруг лицо Ноя стало расплываться. Я с ужасом поняла, что на глаза навернулись проклятые предательские слезы. Только не это, только не при нем.

Ной никак не реагировал на слезы. Обойдя кровать, он улегся на покрывало и повернулся на бок в мою сторону. Согнув руку в локте и опустив на нее голову, он вдруг сказал:

– Как люди смогут увидеть твою боль, если ты ее все время скрываешь?

Я выдохнула, отвернувшись. Лучше уж смотреть в потолок, чем в прикрытые от усталости глаза Ноя. Он долгое время молчал, старательно подбирая слова.

– Если ты не борешься с ними, Кая, тогда играешь в их игры и живешь по их правилам.

Я не знала, что он имел в виду, но вдруг перед глазами всплыли вырезки из газет двадцатилетней давности. Мама вступила в неравную схватку с чудовищем и проиграла, теперь настала моя очередь...

– Кая, послушай. – Ной внезапно положил ладонь на мою щеку, и под напором его руки мне пришлось обернуться. Я была так поражена его прикосновением, что даже не успела отстраниться. – Ты почему-то решила, что боль делает тебя уязвимой, слабой, но это ложь. Какая же ты глупышка.

– Убери руку.

Ной закатил глаза, но руку убрал.

– Я могу тебе помочь. Ты только поговори со мной.

Опять он за свое... изможденная воплями и панической атакой, я совсем не хотела разговаривать, но когда Ной смотрел так, как сейчас, будто он *действительно* готов мне помочь, будто еще один рывок вперед, еще один толчок в спину – и я со всем справлюсь, я не могла молчать.

Я не верила, что станет легче, но ответила:

– Кира написала обо мне статью в местной газете. – Взгляд скользнул по шраму на запястье – еще одно напоминание о пытках.

– Где эта газета?

Как будто он сам не видел! – сердито подумала я, потирая большим пальцем белую полоску.

– На полу, но ты вряд ли что-нибудь сможешь понять. – Закрыв глаза, я подтянула покрывало к подбородку и добавила: – Я ее разорвала. Никчемная, дурацкая статья, где нет ни капли правды...

Вдруг тело стало мягким, будто пластилин. Я забыла, о чем думала и о чем говорила. Это присутствие Ноя так на меня действует, это он, его рука, нежно коснувшаяся моего запястья, наши переплетенные пальцы...

Когда все мои ощущения сосредоточились на пальцах Ноя, которые оказались в моей ладони, я резко распахнула глаза и убрала руку.

– Что ты делаешь?

– Ничего, – ответил он невозмутимо и снова взял меня за руку. Я была ошеломлена таким беспардонным, бесстрашным поведением и вновь не смогла отодвинуться. Рука будто принадлежала не мне, а ему. Родные глаза-льдинки так и впились в меня, вытаскивая из горла одно признание за другим.

– Кира написала обо мне ужасные вещи. И о Джорджи, и о маме с папой...

– И это все ложь?

– Конечно да! – снова взбеленилась я, выдергивая руку, села и уставилась на Ноя сверху вниз. – Конечно, все ложь!

Ной сел гораздо более проворно, чем я, и обернулся ко мне.

– Тогда в чем дело? – спросил он. – Тогда почему ты расстроилась, раз все ложь?

Я опешила от того вопроса, который был таким простым и сложным одновременно. Но Ной, казалось, и не ждал моего ответа. Вцепившись в мое плечо мертвой хваткой, чтобы наверняка оставить отпечатки пальцев, он сказал:

– Ты и так уже разбита. Ты, как эта газета, разлетелась на части. Не позволяй их словам проникнуть в тебя.

Я затаила дыхание, слушая его четкий приказ: «разбита, разлетелась на части, не позволяй проникнуть словам...»

И вдруг все мысли разом перечеркнула одна-единственная: «А почему я вообще позволяю ему себя касаться?»

Этот вопрос, произнесенный холодным внутренним голосом, отрезвил так, будто мне на голову опрокинули ведро ледяной воды. Я отодвинулась от Ноя, неуклюже выбралась из-под одеяла, внезапно превратившегося в оковы, скользнула на пол. Краем глаза видела, как скептически Ной наблюдает за моими движениями, многозначительно выгнув бровь. Занятая необходимостью собрать обрывки газеты, я притворялась, что не замечаю пристального взгляда.

– Так-так... – начал он тем же тоном, который всегда предшествовал насмешкам в мой адрес.

– Теперь со мной все хорошо, – прервала я каким-то чужим, оптимистичным и легкомысленным голосом, не похожим на мой собственный. Смяв кусочки статьи в один большой

комков, я отправила его в мусорную корзину и обернулась к Ной, который с сомнением поднялся с кровати и теперь засовывал босые ноги в тапки-собаки.

– Я больше не буду плакать, обещаю. Спасибо. Со мной все хорошо.

Слово «плакать» я произнесла с трудом, но даже виду не подавала, что испытываю дискомфорт. Ной равнодушно пожал плечами, давая понять, что не верит ни единому моему слову, и проплыл мимо к двери.

– Ладно, я, как всегда, проявлю огромное терпение и просто подожду, когда ты перестанешь вести себя так странно. Пойду пока приготовлю что-нибудь эдакое. – Я изумленно обернулась, но Ноя уже и след простыл.

И это я веду себя странно?

Тупо уставившись в одну точку и ничего перед собой не видя, я обняла себя руками, спрятала ладони под мышками и нахмурилась. Что со мной творится? Мое сердце сейчас просто выпрыгнет из груди. Не так надо вести себя в обществе Ноя Харрингтона, не так.

Фух, надо размяться, хорошенько поработать над мышцами. Наверное, у меня судорога. В голову продолжала лезть всякая чушь, так что я стала делать обычную разминку. Спустя полчаса, упав на зад после очередной порции приседаний, я бухнулась спиной на пол и посмотрела в потолок.

Странно. Я разорвала Кирину газету на клочки, а Ной рассек всю мою ярость лишь коротким разговором. *И прикосновениями.* Я вдруг вспомнила его пальцы на своей щеке, на запястье, когда он схватил меня за плечо...

Бр-р... я встряхнулась, поднимаясь на ноги. Остывшее тело тут же обдало холодком, и я, чувствуя приятную боль в мышцах, отправилась в ванную. Уйдя под воду, вспомнила тот сентябрьский день, когда Ной достал меня из воды и сказал, что я умерла и теперь связана с Ледой Стивенсон...

Интересно, а какой была бы моя жизнь, не будь всего этого кошмара? Если бы не было убийцы, не было Дэйзи Келли в жизни мамы...

Из моего рта вырвались пузырьки, и я закрыла глаза. Я еще немного потерпела, пока в висках тревожной пульсацией не отозвалась ускользающая жизнь, и затем вынырнула на поверхность, хватая ртом воздух.

Хорошенько прокашлявшись, я опустила голову на бортик ванной, продолжая размышлять. На самом деле, мне всегда казалось, что все изменилось после того дня в городском суде, когда я дала показания против Стивена Роджерса. Я всегда думала, что моя жизнь оборвалась в тот момент, когда это чудовище отняло у меня Джорджи. Оказалось, нет. На самом деле все началось еще задолго до этого, вся моя жизнь перевернулась с ног на голову в тот день, когда мама познакомилась с Дэйзи Келли, когда она узнала имя убийцы... Именно тогда все было кончено. Если бы папа и Джорджи были живы одиннадцатого сентября, они сгорели бы вместе с мамой в том адском пожаре.

Так почему я все еще жива?

На один краткий миг, лишь на жалкую секунду мне хотелось забыть о том, кто я, забыть обо всех ужасах, из которых соткано полотно моей жизни. Просто взять и сделать это.

Сделать это.

Я вдруг обнаружила, что смотрю в одну точку: на фен, лежащий на полке рядом с шампунем и гелем для душа. Прошла еще минута, а может быть, целая вечность, и все это время я едва дышала. В груди все сжалось от странного, непривычного предвкушения.

Это займет секунду. Одно движение. Я просто суну вилку в розетку, а затем положу эту штуку рядом с собой. А может быть, просто уроню, вряд ли у меня будет время, чтобы укладывать фен поудобнее... и тогда мои проблемы решатся, может быть, я даже увижу Джорджи и маму с папой...

Может быть, заполнится пустота в груди. Сейчас я чувствую абсолютно все, словно оголенный нерв, а через секунду не буду чувствовать ничего.

Будто со стороны я наблюдала за тем, как моя рука тянется к фену... но тишину вдруг нарушил шум со стороны спальни: кто-то затопал в мою сторону.

– Кая! – Ной стал колотить по двери ванной как одержимый. – Эй, ты там в порядке?

Я испуганно схватилась за бортики ванны и сжала пальцы. Вода давно остыла, кожа покрылась мурашками. Я все же смогла попросить Ноя перестать стучать, и голос при этом был сдержанным и твердым.

Закутавшись в полотенце, я распахнула дверь и воскликнула:

– Видишь, со мной все в порядке, ничего не случилось!

И при этом, пока Ной напряженным взглядом осматривал меня с ног до головы, я не могла не думать о том, что он только что спас мне жизнь. *Он спас мне жизнь, а я бы могла...*

– Ты точно в порядке? – спросил он наконец с сомнением в голосе. Мы встретились взглядами, и я едва не отвернулась, чтобы он не прочел правды в моих глазах. – Мне просто показалось... показалось, что что-то происходит.

Только не читай мои мысли, взмолилась я, не надо.

– Все хорошо, – сказала я, и голос дрогнул. Прочистив горло, с долей иронии я добавила: – Ну, не считая того момента, что я голая и не могу искупаться. Если ты понимаешь, на что я намекаю.

По ногам уже начал подниматься холодок, с меня капала вода. Но мне было жарко, так жарко, как никогда. Стыд разлился по всему телу, опалил краснотой каждый открытый участок кожи, плеснул в лицо раскаленной лавой. Ной, заметив, как мои щеки покраснели, смущенно кашлянул и сделал шаг назад.

– Э-э... ну да. Я просто подожду тебя, в смысле, когда ты сама придешь.

Он ушел, прикрыв дверь спальни, а я еще долго не могла сдвинуться с места. Казалось, ноги приросли к кафелю. Вокруг меня натекла лужа.

Меня не покидало ощущение, что Ной пришел сюда ровно в тот опасный момент, потому что знал, о чем я подумала. Он знал, какие болезненные мысли посетили меня...

Дальше по коридору хлопнула дверь, и я очнулась. Одновременно с этим загудел мой телефон. Выудив его из сумки, я прочла все сообщения, которые Аспен успел мне настрочить за утро. В первом он интересовался, когда именно я собираюсь объявиться в университете. Во втором – это будет до обеда или все же после, в третьем – как я себя чувствую, в четвертом просил не злиться из-за предыдущих трех сообщений.

Я закатила глаза, но все равно, благодаря Аспену, почувствовала себя лучше.

Здесь было еще два сообщения: одно от Скаларк с предложением сходить на выходных в кино («а то погода скоро совсем оскотится»), второе из университетской больницы с просьбой о том, чтобы я немедленно явилась снимать швы. Предплечье давно зажило, но я все равно автоматически накрыла его рукой. Я почти забыла, что такое физическая боль, и от одной мысли о том, что мне надо вернуться в УЭК, где почти все считают меня психопаткой, внутри что-то неприятно сжалось.

Глава VII

Полый человек

Заметив Аспена и Скалларк, затаившихся на аллее у Первого медицинского павильона, я поняла, что они готовят мне засаду. Судя по тому, как отчаянно ребята размахивали руками, разговор у них был бурный: чем сильнее Скалларк распалялась, тем громче хохотал Аспен. Понадеявшись, что они будут увлечены друг другом хотя бы до тех пор, пока я не буду у дверей здания, я попыталась проскользнуть мимо.

Накинув капюшон толстовки на голову и ссутулившись, я поспешила к лестнице, глядя себе под ноги. Если что, просто притворюсь, что не заметила их, решила я, и уже занесла ногу на первую ступеньку, когда мне вдруг приспичило обернуться. Именно в этот момент Аспен поднял голову, и мы столкнулись взглядами. В одно мгновение его лицо изменилось и побледнело, улыбки на губах как не бывало. Скалларк проследила за его взглядом и воскликнула:

– Кая!

В моей голове неприятно щелкнуло: если я провоцирую такую реакцию даже у своего друга, то что будет с людьми, которые понятия не имеют, кто я?

Расправив плечи и скинув капюшон, я со вздохом направилась в сторону ребят. Скалларк запахла полы халата и поежилась от ветра, Аспен спрятал руки в карманы, осведомившись:

– Ты что, прачешься?

Голос у него был насмешливым, как если бы он шутил, но взгляд при этом оставался холодным и пронизательным. Стараясь не казаться слишком мрачной, я пояснила:

– Просто не видела вас.

Аспен поднял бровь, а Скалларк втянула губы и опустила взгляд в землю. *Ну вот...*

– Ты не думал, что я приду на занятия, – догадалась я, и Аспен со Скалларк резко переглянулись. Он молча скрестил руки на груди, будто пытаясь отгородиться от моей пронизательности, в то время как Скалларк тихо спросила:

– Кая, а ты как, в порядке?

Аспен не отрывал от меня взгляда, наверное, думал, что, если я солгу, он тут же вычислит ложь.

Я вспомнила лицо Ноя, его приказ отгородиться от грязных слов, вспомнила наши переплетенные пальцы, а затем фен на полке рядом с квадратным зеркалом.

– Да, я в порядке.

Тогда я допустила глупую мысль, что у меня больше никого нет. Но у меня есть Аспен, этот чудной парень с покрасневшими от усталости серыми глазами и неприступным, сердитым выражением лица; есть Скалларк, любящая экспериментировать с нарядами, дерзкая и пробивная, но в то же время добрая и заботливая; у меня есть Дориан и конечно же Ной.

– Все в норме, – повторила я и в этот момент буквально увидела, как мышцы на лице Аспена расслабляются, как исчезают морщинки в уголках рта. Я посмотрела на часы, сжавшие запястье там, где была рука Ноя, и сказала:

– Сейчас начнутся занятия.

– Ты сняла повязку? – удивилась Скалларк, подстраиваясь под мой шаг. – А не рано?

– Тебе и швы сняли? – добавил Аспен, пристраиваясь с другой стороны от меня.

– Да, поэтому теперь я опаздываю.

По какой-то неведомой причине Аспен поднялся следом за нами к зданию медфака. *Почему они со Скалларк ведут себя так, словно взяли меня в заложники?*

– Эй, Айрленд, пойдешь со мной на свидание? – вдруг весело спросил Аспен, все-таки остановившись на ступеньках ниже.

– Ты хочешь обсудить это прямо сейчас? – уточнила я, не сильно удивившись.

– Может, сходим в кино? – Он словно не слышал меня.

– Ты это серьезно?

– А почему нет?

Да что с ним такое? – я всерьез насторожилась, но, снова глянув на часы, сказала:

– Давай потом об этом поговорим. Нам надо спешить.

Когда я вошла в здание, разблокировав дверь картой, Скалларк замешкалась за моей спиной. Готова спорить, они там с Аспеном общаются жестами, обсуждая что-то, во что меня пока еще не посвятили.

– Стой, Кая... – Она догнала меня у шкафчиков.

– Что происходит? – спросила я, останавливаясь. Скалларк прикусила внутреннюю сторону щеки и глухо сказала:

– Это насчет той статьи...

– Если ты о статье, которую написала Кира, так я ее уже изучила вдоль и поперек, – отрезала я хладнокровно. Скалларк собиралась что-то ответить, но посторонилась, пропуская в сторону лестницы группу ребят в халатах и с картонными коробками в руках. Она увлекла меня за собой за локоть, приглушив голос:

– Я не о статье, Кая, я о... – Она поворачивала глазами, пытаясь подобрать подходящие слова, и я уже начала терять терпение. – Тут кое-какие слухи пошли...

Ясно, они с Аспеном просто переживали, поэтому вели себя так странно. Надо поблагодарить их, но так, чтобы это не выглядело резко. Прочистив горло, я сказала:

– Спасибо, что беспокоишься обо мне, но я справлюсь. – Я попыталась улыбнуться, но выглядело это крайне жалко, судя по тому, как Скалларк нахмурилась. Решив быть честной, я уже без улыбки добавила: – Ты ведь знаешь, я справлюсь. У меня были проблемы похуже, чем глупости, которые распространяет Кира Джеймис-Ллойд. – Скалларк тяжело вздохнула, сильно прикусив губу. Я огляделась, коридор уже опустел, и мне хотелось развернуться и просто уйти. Если бы Скалларк не была моей подругой, я бы так и поступила.

– Давай пойдем на занятия? – спросила я, перестав озиаться по сторонам и сосредоточив внимание на Скалларк.

– Теперь они зовут тебя Сироткой.

Сиротка, – мысленно повторила я, – *как же мне это надоело*.

Спустя несколько секунд я поняла, что Скалларк чересчур пристально вглядывается в мое лицо, ожидая какой-нибудь реакции, но я не знала, как на это отреагировать. Меня просто все достало.

– Ясно, – наконец ответила я. – Теперь давай пойдем на занятия.

И только после этого я позволила себе развернуться и оставить Скалларк на шаг позади. Топот ее высоких каблуков был монотонным и отдавался во мне эхом, будто я состояла из сплошной пустоты.

Внезапно я вспомнила Леду Стивенсон. Она чувствовала то же самое, когда Майя мучила ее – хотела, чтобы все оставили ее в покое, чтобы это прекратилось... и может быть, поэтому Леда хотела оборвать свою жизнь?

Она могла думать только об одном: лишь краткий миг, единственная вспышка боли отделяет ее от забвения. И больше не нужно думать, как выжить, не нужно беспокоиться о том, что кто-то заметит тебя и решит, что ты хорошая жертва.

Эттон-Крик полон гнили, подумала я, шагая к своей машине. Вслед неслись шушуканья, но я не оборачивалась. Я чувствовала, что на самом деле они меня не боятся, возможно даже, большинство не считает, что я как-то связана с недавними убийствами. Им просто хочется довести меня, посмотреть, как «приезжая девочка» справится с нападками. Может быть, они даже рассчитывали на то, что я снова с кем-нибудь подерусь.

Холод пробирал до костей, куртка не спасала. Сунув кулаки глубоко в карманы, я внутренне съежилась в комок, мечтая о теплой еде и глотке горячего чая. Но мысли о спасительном уюте особняка Харрингтонов внезапно исчезли – фонарь, под которым я оставила мамин синий «БМВ», внезапно погас, и я, как по команде, вытянулась в струнку.

В голове пронеслись картинки из прошлого: *в холодном сумраке ночи дверь машины распахнута, кто-то, должно быть, прячется на заднем сиденье, звонит папа и приказывает вернуться в кинотеатр, я хватаю Джорджи за капюшон курточки, и тут же кто-то хватает меня...*

Со стороны Главного корпуса что-то оглушительно бабахнуло, и я подскочила, оборачиваясь. Двое ребят на тротуаре, скрытые в тени елей, тоже удивленно обернулись на звук.

Мое сердце тревожно забило в груди, но я шумно вздохнула и, разжав пальцы в карманах и поморщившись от боли, приказала себе не сгущать краски. Это же УЭК, здесь каждый божий день творится всякая неразбериха. Аспен даже рассказывал, как первого сентября во время съезда студентов парочка сорвиголов привязали холодильник к машине и ездили в нем, как в коляске от мотоцикла. «Холодный эскорт» – так они это называли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.